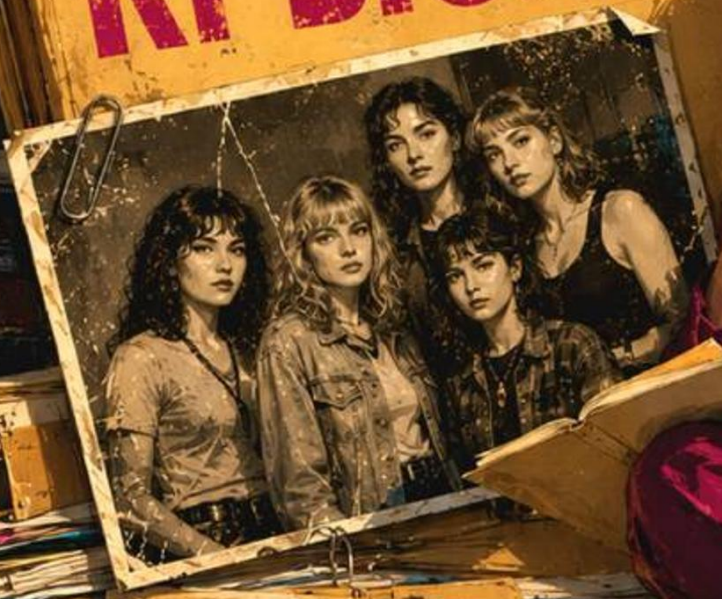
Саша Сольвейг

АРХИВНАЯ КРЫСА

ДЕЛО О ПРОПАВШИХ ДЕВУШКАХ

1995

Дело № 1597

ХРАНИТЬ ВЕЧНО

Саша Сольвейг

Архивная крыса. Дело о пропавших девушках

«Автор»
2026

Сольвейг С.

Архивная крыса. Дело о пропавших девушках / С. Сольвейг — «Автор», 2026

Тридцать лет назад из Приозёрска исчезали девушки. Дело давно забыли, виновных не нашли, и жизнь города потекла дальше. Пока архивистка Анна Лапина не решила немного покопаться в старых бумагах. И разворошила осиное гнездо.Потому что вскоре появляются новые жертвы, старые секреты выплывают наружу, а рядом оказывается частный детектив Илья Соколовский – бывший одноклассник Анны и её давняя тайная любовь. Илья хочет защитить Анну. Анна хочет сама во всём разобраться. А кто-то очень хочет, чтобы они оба перестали задавать вопросы.

© Сольвейг С., 2026
© Автор, 2026

Архивная крыса. Дело о пропавших девушках

Все совпадения случайны

Глава 1

Весна в Приозёрске вела себя вызывающе.

Она явилась в город шумно, с мокрым блеском асфальта, запахом сирени и ветром, который по утрам врывался в раскрытые окна так, будто собирался вынести из квартир всё лишнее, включая хозяев. К полудню на небе собирались тяжёлые, фиолетовые тучи, и над рекой начинали глухо перекатываться грозовые раскаты. Потом шёл ливень – яростный, как ссора с соседями по коммуналке, но уже через полчаса снова светило солнце. Жители Приозёрска радостно снимали куртки, потом промокали до нитки, потом простужались и жаловались друг другу на погоду.

Пока все нормальные люди наслаждались весной, архивистка Анна Плахтина сидела в подвале и дышала пылью.

– Некоторые люди рождаются под счастливой звездой, – сообщила она папке с документами за две тысячи второй год. – А некоторые под шкафом с архивными делами.

Папка ничего не ответила. Документы вообще редко поддерживали беседу.

Анна вздохнула и потёрла переносицу. Часы показывали шесть вечера. Рабочий день закончился полтора часа назад, и в архиве давно никого не осталось. Кроме неё. Потому что если существовала работа, которую никто не хотел делать, рано или поздно она оказывалась у Анны.

В комнате, где сквозь давно не мытые окна с трудом пробивался свет, пахло пылью, старой бумагой, сыростью и почему-то кошками, хотя кошек в штате официально не числилось. Зато числились три сотрудницы. Начальница, Маргарита Семёновна Козлова, руководила. Делопроизводительница Лида Краснова болела всем, чем можно заболеть в рабочее время. Архивистка Анна Плахтина делала всё остальное, потому что обладала неудачным сочетанием качеств: хорошим воспитанием, добросовестностью и неспособностью вовремя сказать «нет».

Началось всё две недели назад. Редактор городского портала «Вестник Приозёрья» Оксана Геннадьевна Красавкина, женщина энергичная и невероятно занятая, явилась в архив лично. В сопровождении Маргариты Семёновны, что уже не предвещало ничего хорошего.

– Нам нужны интересные материалы к празднику, – сообщила Оксана Геннадьевна.

Приозёрск готовился отметить очередной День города. Никто уже не помнил, сколько именно лет ему исполняется. Мнения историков расходились примерно на пару веков, но администрацию такие мелочи не смущали. Главное, с размахом провести праздник. Поэтому местному информационному порталу требовался большой цикл публикаций об истории города.

– Не вопрос, – кивнула Маргарита Семёновна. – Аня всё подготовит.

После чего обе дамы посмотрели на неё так, словно только что оказали ей величайшую честь.

– Вам же не трудно, – сказала Оксана Геннадьевна тоном, каким обычно говорят: «Ну что вам стоит пожертвовать почку ради хорошего дела?».

– А что именно нужно? – опасливо поинтересовалась Анна.

– Да всё. Подборки архивных фотографий, газетные материалы, какие-то необычные документы, человеческие истории… В общем, чтобы читалось легко и трогательно. Мне нужно много фактуры. И быстро. У нас сроки.

– А тексты?

– Ну, конечно, я напишу, – сказала Оксана Геннадьевна, и в этой фразе было столько страдания, словно её просили разгрузить вагон с углем. – Но мне нужен материал. Полностью собранный. С датами, цитатами, сканами, подписями, комментариями. Вы же понимаете.

Маргарита Семёновна, стоявшая рядом с Красавкиной, одобрительно кивнула.

– Аня у нас очень ответственная, – сказала она. – Она всё сделает.

Архивистка Плахтина посмотрела на обеих и подумала, что если когда-нибудь она начнёт убивать людей, то следствию не придётся долго искать мотив.

С тех пор она жила в архиве практически на постоянной основе: перебирала старые газеты, просматривала подшивки, сканировала фотографии, составляла выборки. И всё это за свою обычную зарплату, которая, по мнению Маргариты Семёновны, должна была вызывать у неё глубокое чувство благодарности.

За это время Анна узнала о Приозёрске множество полезных вещей. Например, что в 1971 году в городе торжественно открыли новый колбасный цех. Что в 1984-м местная учительница биологии вырастила на пришкольном участке тыкву весом двадцать восемь килограммов. Что в 2003-м районная администрация героически боролась с незаконной торговлей арбузами. И что в 1999 году в городе состоялся конкурс «Мини-мисс Приозёрск», где победила девочка по имени Кристина Швецова, исполнившая танец с ромашками.

С точки зрения Оксаны Геннадьевны, именно это и составляло историю города. На Анну же от пожелтевших страниц веяло хронической местечковой тоской. Вздохнув, она разложила на столе очередной номер «Приозёрской правды» и грустно подумала, что дома её ждёт голодный кот Филимон, пустой холодильник и новый криминальный сериал, который она уже неделю не может досмотреть, потому что спасает от забвения городскую историю.

Она скользнула рассеянным взглядом по странице. В нижнем углу находилась небольшая заметка:

Отдел внутренних дел города Приозёрска просит оказать содействие в розыске гражданки Крыловой Евгении Викторовны, 1978 года рождения. Двадцать первого мая девушка ушла из дома и не вернулась. Особые приметы...

Анна устало потёрла глаза. Ничего необычного. Девушка пропала. Бывает.

Она уже собиралась перевернуть страницу, когда заметила фотографию. Снимок был маленький, плохого качества, но лицо казалось удивительно красивым. И каким-то... счастливым.

Архивистка Плахтина задумчиво посмотрела на дату. Май 1996 года. Ладно, неинтересно. Она пролистала выпуск до конца, перешла к следующей подшивке. И через несколько номеров ей попалось другое имя, другая дата. Но текст – тот же.

Разыскивается Ирина Хомутова, 1979 года рождения… Если вам что-либо известно о её местоположении, просим сообщить…

Ещё одна пропавшая девушка.

Нахмурившись, Анна начала сосредоточенно перелистывать старые номера. Через двадцать минут на столе перед ней лежали уже четыре одинаковых газетных объявления. Всего за полгода исчезли четыре девушки. Многовато для маленького города. Неужели в тихом Приозёрске орудовал маньяк?

Грохнул раскат грома, от которого зазвенели стёкла, ветер распахнул окно, растрепав занавески, и швырнул в комнату пригоршни дождя. Ойкнув, Анна выскочила из-за стола и метнулась к окну. Одолев порыв ветра, она с усилием захлопнула створки, предоставив грозе бесноваться снаружи, и щёлкнула выключателем настольной лампы. В полумраке комнаты вспыхнул жёлтый круг света, выхватив из черноты заголовок на первой полосе.

Шанс, который выпадает раз в жизни! В Приозёрске открывается первое модельное агентство «Грация»

Удивлённо задрав брови, Анна придвинула газету поближе.

Статья была написана тем восторженным тоном, который сразу выдаёт рекламную заказуху. Автор в красках описывал, какие сногсшибательные перспективы открывает агентство перед местными красавицами. Им обещали профессиональное обучение, фотосессии, участие в показах, а самым перспективным – работу за рубежом. В Италии, Германии, Франции, в крайнем случае, Польше. Если верить статье, приозёрские девушки могли с лёгкостью затмить европейских моделей и стать новыми музами знаменитых кутюрье.

Внизу красовалась фотография: пять длинноногих девиц в расшитых пайетками, кособоких платьях стояли на сцене местного Дворца культуры с такими надменными лицами, будто каждая уже мысленно вышагивала по подиуму в Париже, а не по дощатому полу ДК, где только что выстукивала чечётку местная самодеятельность.

Анна насмешливо фыркнула. Но что-то в этой статье царапнуло память. Не сама «Грация», конечно. В девяносто шестом году её мало интересовал модельный бизнес. В семь лет Аню волновали жвачки с наклейками, куклы Барби и вопрос, почему взрослые считают овсяную кашу обязательной частью завтрака. Но сейчас в ней ожили смутные воспоминания. Лето. Жара. Обшарпанный подъезд, воняющий мочой и варёной картошкой. Мама, обсуждающая с соседками какую-то Машу, которая «поедет за границу работать манекенщицей». И восторг вперемешку с завистью, потому что за границей, по мнению маленькой Ани, жили исключительно кинозвёзды и люди, способные есть шоколадные батончики каждый день.

Она откинулась на спинку стула и прищурилась. Ну, конечно! Маша Медянова.

Её соседка по подъезду. Очень красивая. Высокая, с густыми пепельными волосами, тонкой талией и изящной походкой. Маленькой Анечке она вообще казалась сказочным существом: Маша носила короткие юбки, огромные блестящие серьги, душилась сладкими духами и однажды подарила Ане жвачку «Love is...», потому что у самой их было целых две. А потом она увидела Машу, входящей в двери местного ДК, где, судя по газетной публикации, размещалось то самое агентство. И больше уже не видела никогда.

Впившись взглядом в газетное фото, Анна старалась разглядеть лица. Качество было отвратительное, но одна из девушек и правда напоминала Медянову – тот же овал лица, светлые волосы и взгляд человека, которому тесно в маленьком городе и хочется уехать куда угодно, только бы подальше.

Анна перевернула страницу. Потом вернулась назад и перечитала статью внимательнее.

Модельное агентство «Грация». Набор девушек от шестнадцати до двадцати двух лет. Подготовка к зарубежным контрактам. Сотрудничество с польскими и чешскими фирмами. Директор агентства – Лариса Звонарёва.

Имя ничего ей не говорило. Анна записала его в смартфоне, на всякий случай. Потому что вырисовывался хоть какой-то живой, не похожий на обычную провинциальную скуку сюжет. Оксана Геннадьевна наверняка одобрит: «Смотрите, у нас было даже модельное агентство!». Ещё и заголовок придумает, что-нибудь вроде: «Как приозёрские красавицы покоряли Европу».

Она задумчиво посмотрела на бушевавшую за окном грозу. Интересно, как сложилась судьба этих девушек? Покорила хоть одна из них мировой подиум или всё ограничилось кустарными фотосессиями в местечковом ДК? Да и куда подевалась сама «Грация»? На сегодняшний день никакого модельного агентства в Приозёрске не значилось.

Хмыкнув, она потянулась за следующей подшивкой.

Папка с газетами за 1997 год выглядела особенно жалко. Номера были сшиты, как попало, типографская краска почти выцвела, а ветхая бумага рвалась на сгибах и грозила рассыпаться в руках. Анна уже решила плюнуть на всё и уйти домой, как вдруг её словно ударило током: в верхнем углу газетной полосы она увидела маленькую заметку. Несколько строк, втиснутые между рекламой кабельного телевидения и объявлением о закупке металлолома.

Родственники просят откликнуться всех, кто располагает сведениями о местонахождении Медяновой Марии Викторовны, 1978 года рождения. В сентябре 1996 года выехала по контракту в Польшу. С декабря связь с ней прервалась. Всех, кто владеет информацией, просят обратиться...

Она несколько секунд молча разглядывала выцветшие типографские строчки. Её соседка Маша Медянова тоже пропала. Всех, кто мог помочь, просили обратиться в редакцию газеты или в отдел внутренних дел.

Память услужливо подсунула ещё одно воспоминание из детства: мать сидит за столом на кухне, рядом соседка – тётя Вера, с заплаканным лицом. А Нина Павловна, отсчитывая над стаканчиком сердечные капли, сердито выговаривает: «Я же тебя предупреждала, что нельзя отпускать дочь с этими аферистами». Раскисшая от горя тётя Вера всхлипывает и повторяет: «Ну как же так… Она ведь звонила мне из Польши... целых два раза...»

Тогда Аня мало что поняла, кроме одного: с красавицей Машей случилось что-то очень плохое. А вскоре тётя Вера продала квартиру и уехала к родственникам в Тверь.

Выйдя из ступора, Анна схватила ручку и вывела на листке бумаги: «Маша Медянова. Польша. 1996. Пропала». И добавила рядом: «Модельное агентство. Лариса Звонарёва». Она посидела, постукивая ручкой по столу. А что если остальные пропавшие тоже были моделями «Грации»?

Усталость как рукой сняло. Потеряв счёт времени, Анна лихорадочно листала старые газеты. Гроза глухо грохотала где-то вдали, сменившись затяжным дождём. Под его монотонный стук давно уснул город. Лишь в одном из окон городского архива мерцал слабый свет. Вместо того чтобы видеть дома десятый сон, предварительно накормив кота и досмотрев сто пятую серию детективного триллера, архивистка Плахтина рылась в истории Приозёрска.

Прошерстив ещё пару подшивок, она наткнулась на статью под заголовком «Опасный бизнес». В ней сухо сообщалось, что деятельность модельного агентства «Грация» вызывает вопросы у силовиков, а несколько девушек, уехавших за границу по контрактам, больше не выходят на связь с родственниками. И всё. Никаких имён и подробностей.

Сорвавшись с места, Анна метнулась к картотечному шкафу, выдвинула ящик с каталогом и начала искать всё, что могло быть связано с «Грацией». Пальцы быстро перебирали карточки. Реклама. Дворец культуры. Конкурс красоты. Благотворительный показ. Всё не то. Значит, придётся искать в хранилище, где в хаотичном порядке были свалены обращения граждан, вырезки из прессы и неразобранные папки с отчётами городских властей. Всё это сказочное добро Маргарита Семёновна много лет обещала систематизировать и внести в цифровую базу данных, всякий раз выразительно поглядывая на Анну. Но даже у исполнительной Плахтиной руки, а вернее, ноги до коробов никак не доходили. А вот теперь дошли.

Выудив из стола связку ключей, она вышла из кабинета. В коридоре не было ни души. Лишь тихо пощёлкивали люминесцентные лампы под потолком, озаряя мертвенным светом серые стены и растрескавшийся линолеум. На какое-то мгновение Анне стало не по себе. Ладонь с зажатой в ней связкой ключей неприятно вспотела, спине пополз противный холодок.

– Да-да, я понимаю, шляться ночью по пустому зданию – так себе идея, – пробормотала она.

И упрямо пошла дальше. Уже через минуту она звенела ключами у массивной стальной двери – вход в святая-святых приозёрского архива. Отперев замок, вошла внутрь и клацнула выключателем. Вспыхнула одинокая лампочка под потолком, и в её тусклом свете прорисовались ряды стеллажей, забитые коробками, в которых хранилась городская память.

Анна двинулась вдоль стеллажей, внимательно оглядывая архивные залежи. Конечно, никакой систематизацией, здесь и не пахло. Подписанные от руки картонки были свалены, как попало, и лишь чудом не обрушились со стеллажей. Она уже отчаялась найти хоть что-

то в этом хаосе, как вдруг на глаза попался картонный бок с надписью: *«1995–1998. Пресса. Обращения. Разное».*

Огромная, раздутая от документов коробка нагло торчала на верхней полке. Объём намекал: тот, кто полезет внутрь, домой попадёт нескоро. Перед глазами Анны замаячила укоризненная морда любимого кота Филимона, загибавшегося от голода в пустой квартире.

«Прости меня, Филька», – пробормотала вероломная архивистка и полезла наверх. Расчихавшись от пыли и чуть не упав под тяжестью коробки, она дотащила находку до кабинета и плюхнула на стол. Внутри лежали машинописные листы, конверты без марок, справки, ксерокопии жалоб и ещё целая россыпь бумаг. Немного подумав, Анна решительно вытряхнула содержимое коробки и начала педантично сортировать.

Первой попалась предвыборная агитка. За ней – афиша выставки собак, письмо в редакцию «Приозёрской правды» о безнравственности современной молодёжи и жалоба пенсионера Пузикова на стихийный рынок. А потом Анна увидела маленький цветной квадрат. Мгновенное фото, сделанное популярным в начале девяностых «Полароидом».

На нём пять девушек в одинаковых купальниках с высокими вырезами – по моде того времени – призывно улыбались на фоне самодельного баннера с надписью «Грация». В центре стояла Маша Медянова и выглядела именно такой, как её запомнила Анна – с алой помадой на полных губах, взбитой чёлкой и улыбкой победительницы. Вдоль белой окантовки снимка тянулась надпись: «Первые ласточки. Сентябрь 1996». А чуть ниже кто-то вывел уже другим, торопливым и нервным почерком: «Из этих пятерых домой вернулась только одна».

Анна медленно опустила фотографию на стол.

– Улетели, значит, ласточки, – протянула она. – А куда?

Она задумчиво разглядывала самоуверенные, жизнерадостные лица. Кто из них вернулся в Приозёрск? Что случилось с остальными? И кто оставил надпись на старой фотографии?

Это была загадка из тёмного, тревожного времени, которое называли «лихими девяностыми». А загадки Анна очень любила. Особенно криминальные. Правда, пока она разгадывала их лишь в детективных сериалах, где развязка зависела исключительно от фантазии сценариста. Но тайна, которая смотрела на неё с замусоленного снимка и серых газетных страниц, была реальной. Больше того, она случилась здесь – в городе, где Плахтина родилась, кое-как дотянула до тридцати семи лет и знала каждый камень. В Приозёрске, в котором обычно ничего не происходило.

Это был вызов. И Анна его приняла.

– Ладно, девчонки, – сказала она лицам на снимке. – Я всё узнаю.

За окном вспыхнула молния, и грохнул гром, от которого жалобно взвизгнули оконные стёкла. Свет в архиве мигнул. А потом в коридоре отчётливо скрипнула половица.

Глава 2

Вздрогнув, Анна испуганно уставилась на дверь.

В здании уже давно никого не было. Маргарита Семёновна уходила ровно в семнадцать ноль-ноль и никогда не изменяла собственному железному правилу. Лида Краснова исчезала ещё раньше – с трагическим лицом и диагнозом, который менялся в зависимости от времени года. Охранника в архиве не водилось по причине крайней скудности местного бюджета и веры городской администрации в то, что никому не придёт в голову воровать протоколы партсобраний 1977 года.

Скрип повторился. Теперь он раздался совсем близко.

Покрывшись холодным потом, Анна быстро накрыла фотографию подшивкой «Приозёрской правды» и схватила со стола тяжёлую чугунную статуэтку – приз областного конкурса архивариусов, который в далёком две тысячи первом выиграл кто-то из бывших работников.

– Анна Сергеевна? – раздался из коридора суровый голос. – Вы ещё здесь?

С облегчением вздохнув, она аккуратно поставила статуэтку на место. Никаких грабителей или таинственных убийц, самое обыкновенное начальство. Хотя это тоже вряд ли можно было считать хорошей новостью.

– Маргарита Семёновна, я в кабинете! – отозвалась Анна, стараясь, чтобы голос звучал нейтрально, а не как у человека, который сунул нос в чужие секреты и страшно испугался последствий.

В дверях появилась Козлова и уставилась на Анну, неободрительно поджав губы. С мокрого плаща начальницы стекала вода, а в маленьких медвежьих глазках плескалось подозрение.

– А я смотрю, свет в окне, – сказала она прокурорским тоном.– Думаю, неужели наша Анна Сергеевна решила здесь заночевать? А потом вспомнила, что у вас сроки горят. Ну, как? Много уже сделали по проекту?

Анна растерянно улыбнулась.

– Занимаюсь.

– Вижу, – посуровела Маргарита Семёновна, обводя взглядом стол. – Только не тем, чем следовало.

Стол Анны действительно выглядел подозрительно. В дальнем углу жалкой кучкой сгрудились материалы для юбилейного спецпроекта: статья про первый телефон-автомат, фотографии первомайской демонстрации и заметка о том, как в Приозёрске открыли новый хлебный ларёк. Зато вся остальная часть стола была усыпана содержимым из коробки «Разное». На самом верху этой безобразной кучи лежала фотография моделей «Грации».

Маргарита Семёновна, разумеется, смотрела именно на неё.

– Что это? – спросила она с таким выражением, словно обнаружила на столе чей-то препарированный труп.

– Фотография.

– Это я и без вас вижу. Вопрос в другом: почему вы вместо работы над исторической подборкой маетесь какой-то хренью?

Архивистка Плахтинна молча смотрела на начальницу. Слово «хрень» по отношению к истории о пропавших девушках казалось ей обидным. Хотя Маргарита Семёновна обычно называла хренью всё, что ей не нравилось, включая чужие болезни, личную жизнь и желание сотрудников уходить домой вовремя.

– Это не хрень, – наконец ответила Анна. – Я нашла интересный сюжет про девяностые. Модельное агентство отправляло девушек за границу, несколько из них пропали. История города, человеческие судьбы – всё, как любит Оксана Геннадьевна.

Маргарита Семёновна уставилась на неё так, будто Анна только что предложила открыть в архиве казино.

– Нам нужны материалы к празднику, а не криминальная хроника! Улавливаете разницу?

– Но ведь это – тоже часть истории города.

– Анна Сергеевна, – проскрежетала начальница, – если мы начнём публиковать на официальном городском портале истории каких-то профурсеток, меня вызовут в администрацию и спросят, почему вдруг архив вместо юбилейных материалов поставляет скандалы. А я, между прочим, очень этого не люблю.

Анна хотела заметить, что Маргарита Семёновна не любит вообще ничего, кроме собственной правоты и курортов Краснодарского края, но вовремя опомнилась.

– Маргарита Семёновна, тут странная история. Вот, к примеру, заметка про Машу Медянову…

Она кивнула на лежащую отдельно старую газету. И Козлова невольно перевела на неё взгляд.

– Я её помню, она жила в нашем доме. А потом пропала. И ещё несколько девушек. Понимаете, я должна выяснить, что с ними случилось.

– Вы ничего не должны, кроме выполнения служебного задания, – отрезала начальница. – Завтра в десять утра Красавкина ждёт от нас первую подборку материалов. А у вас готов только список женщин сомнительного поведения.

– Почему сомнительного?

– Потому что приличные девушки по заграницам в девяносто шестом году не ездили, – отчеканила Маргарита Семёновна.

И вот тут Анна окончательно поняла, что препираться бессмысленно.

– Хорошо, – покорилась она неизбежному. – Сегодня закончу подборку.

– Уж будьте так любезны, – кивнула начальница. – И давайте без самодеятельности.

С этими словами Козлова ушла, оставив за собой запах резких духов. В коридоре с грохотом захлопнулась дверь, и архив снова погрузился в тишину. Несколько секунд Анна сидела неподвижно, глядя в пустой проём и придумывая всевозможные кары для только что исчезнувшей в нём Маргариты Семёновны. Потом, успокоившись, снова положила перед собой выцветший цветной квадратик и уставилась на надпись.

«Из этих пятерых домой вернулась только одна».

Кто написал эту фразу? Когда? Как это фото оказалось в коробке с названием «Разное»?

Анна покосилась на часы: половина десятого. Если она задержится ещё на час, кот Филимон объявит ей бойкот. С другой стороны, если уйти сейчас, она не уснёт. Будет лежать, смотреть в потолок и думать о Маше Медяновой и остальных девушках на фотографии. Поэтому архивистка Плахтина поступила как человек взрослый и ответственный: поставила чайник, открыла пакет с овсяным печеньем, которое прятала в ящике стола, и решила посидеть ещё полчаса.

Полчаса растянулись до полуночи. За это время гроза успела уйти за реку, в архиве совсем стемнело, а печенье в пачке закончилось, зато у Анны появилась первая рабочая схема. В центре листа бумаги она написала крупно: «ГРАЦИЯ» и обвела кружком. От кружка пошли стрелки: Лариса Звонарёва, Маша Медянова и ещё четыре линии – из газетных объявлений о розыске: Евгения Крылова, Светлана Беликова, Наталья Ковтун, Ирина Хомутова.

Анна задумчиво рассматривала фотографию. Пять объявлений о розыске. И ровно столько же девушек на снимке. Но где доказательства, что пропали именно они? Пока Анна знала точно, что моделью «Грации» была Маша Медянова. А что насчёт остальных?

Она достала смартфон и защёлкала камерой: архивистка Плахтина привыкла документировать факты. Затем взялась за очередную подшивку «Приозёрской правды», и неожиданно ей на глаза попалась заметка из весны девяносто седьмого. В ней говорилось, что в связи с финансовыми трудностями модельное агентство «Грация» ликвидировано, а его руководитель Лариса Звонарёва покинула город.

Просто исчезла и всё. Очень удобно.

– Пу-пу-пу, – пропыхтела Анна, откинувшись на стуле. – Итак, что мы имеем? В девяносто шестом году в Приозёрске открылось модельное агентство. И всего за полгода после его открытия в городе пропали пять девушек.

Она покосилась на полароидный снимок и продолжила, обращаясь к залитому дождём окну:

– Девчонки были красивыми. Допустим, их взяли в модели, уж Машу Медянову – точно! И вдруг, в том же девяносто шестом, они пропали. А после этого исчезла владелица «Грации» – какая-то Звонарёва, и агентство закрылось. Хм, забавно.

Хотя ничего забавного, конечно же, не было. Это Анна прекрасно понимала. А ещё она понимала две вещи. Первая: нормальной юбилейной подборки для Оксаны Геннадьевны у неё нет. Вторая: остановиться она уже не сможет.

Она сложила все материалы по «Грации» в отдельную папку, заперла её в нижнем ящике стола и пошла домой по умопомрачительно свежему после дождя, пахнувшему сиренью и черёмухой городу.

Её однушка на улице Комсомольской располагалась в блочной пятиэтажке, где соседи знали друг о друге всё, но при этом были уверены, что знают недостаточно. Обшарпанный подъезд пропах мышами, жареным луком и чем-то типичным для хрущёвок – то ли краской, то ли старостью, то ли хроническим недовольством жизнью. И то сказать, у дома за шестьдесят лет существования много чего накопилось

Бесшумно поднявшись на третий этаж, Анна подошла к двери, втайне радуясь, что соседи уже давно спят, и её позднее возвращение не станет завтра новой городской сплетней. Но стоило повернуть ключ в замке, как за спиной соткалась внушительная фигура тёти Зины – соседки из квартиры напротив и большой специалистки по чужой личной жизни.

– Анечка! – окликнула она Плахтину. – Ты чего так поздно? Неужто завела мужчину?

– Если бы я завела мужчину, тётя Зина, – устало заметила Анна, – об этом уже знали бы не только вы, но и весь Приозёрск.

Тётя Зина хмыкнула и скрылась в квартире. Однако Анна была уверена, что, притаившись по ту сторону двери, соседка ловит каждое её движение. Досадливо вздохнув, она щёлкнула замком и ввалилась в тёмную прихожую.

Филимон встретил хозяйку у двери с видом мученика, которому нанесли глубокую травму. Может быть, даже несовместимую с жизнью.

– Да ладно! – отмахнулась Анна. – Как сказал бы Станиславский, не верю!

Филимон укоризненно мяукнул и дёрнул хвостом. Кот был полосатый, толстый и жил с убеждением, что его интересы должны стоять в центре мироздания. Он выразительно посмотрел на часы, на Анну, снова на часы и пошёл на кухню, показывая, что готов простить нерадивую хозяйку в обмен на печёночные консервы и искреннее раскаяние.

– Да-да, это ужасно, – согласилась она, вываливая в миску корм. – Тебя бросили. Ты сирота. Тебя не ценят. Возможно, тебе стоит пожаловаться в ООН.

Филимон посмотрел с невыносимым презрением, только что лапой у виска не покрутил, и зачавкал кормом, больше не отвлекаясь на общение.

Анна заглянула в холодильник, обнаружила там банку забродившей сметаны и засохшую сосиску и со вздохом захлопнула дверцу. Машинально поставила чайник на плиту и только через пять минут поняла, что забыла налить воду. Махнув рукой на ужин, она открыла смартфон и уткнулась в записи.

Мария Медянова. Евгения Крылова, Светлана Беликова. Ирина Хомутова. Наталья Ковтун. Кто же из них вернулся? Может быть, Маша?

Анна попыталась хоть ещё что-нибудь о ней вспомнить. Кроме сладких духов, длинных ног и блестящих серёг в памяти всплыла ещё одна деталь: у Маши был младший брат, кажется, его звали Пашка, который всё время бегал с разбитыми коленками, а потом куда-то пропал. Наверное, уехал вместе с матерью в другой город. А может быть, тихо живёт где-то в Приозёрске.

Анна записала на полях: «Маша Медянова – жива? Найти родню! Спросить тётю Зину?». И поморщилась: опрашивать любопытную и говорливую соседку, означало выпускать информацию в открытый космос: обратно она уже не вернётся. Хотя тётя Зина, которая знала биографию каждого из тридцати тысяч жителей Приозёрска, наверняка была в курсе того, что стало с семьёй Медяновых.

Спать Анна легла уже под утро и ещё минут сорок честно пыталась заснуть. Ничего не получалось. Перед глазами стояли пять девушек с фотографии. Плюнув на сон, она села в кровати, включила смартфон и открыла паблик «Подслушано в Приозёрске».

Если бы десять лет назад кто-то сказал архивистке Плахтиной, что серьёзные расследования будут начинаться с чтения комментариев под постами о потерянных ключах и отключении горячей воды, она бы не поверила. Но житейский опыт подсказывал, что городские паблики знают о местных жителях такую подноготную, что и не снилась священникам и полицейским.

Она вбила в поиск фамилию Медянова. Ничего. Ввела, одну за другой, фамилии остальных пропавших девушек. Пусто. Потом слово: «Грация». Сплошная реклама колготок и салонов красоты с таким же названием. Поразмыслив минуту, написала: «Звонарёва». И тут поисковик выдал пост десятилетней давности: «Осторожно, маньяк!», где рассказывалось о громких серийных убийствах. Обсуждение было типичным для «подслушки». Участники ужасались кровавым подробностям преступлений и тут же облегчённо отмечали, что в тихом Приозёрске маньяков можно не бояться: их тут попросту не водится. И вдруг глаз резанула фраза: «У нас тоже был маньяк в 90-х! Охотился за красивыми девочками. Подружка работала моделью у Звонарёвой. До сих пор ищут…».

Вот это поворот, ахнула Анна. Получается, тридцать лет назад в её родном городе орудовал серийный убийца. Но почему тогда о нём никто не знает, даже вездесущая тётя Зина?

Пресса тоже молчала: в подшивках девяностых, которые перелопатила Анна, ей не попалось ни одного упоминания о маньяке. Получается одно из двух: или вокруг этой истории из девяностых в Приозёрске существует заговор молчания. Или её выдумал человек, написавший комментарий.

Она посмотрела на экран: сообщение оставил пользователь под аватаркой с цветочками и ником «Светик_Нежность».

– Очень хочется верить, что за этим ником скрывается не серийный убийца, а какая-нибудь бухгалтерша Светлана Николаевна с повышенным давлением и сорока кошками, – сказала Анна припёршемуся из кухни Филимону.

Уютно свернувшись у неё в ногах, он прижмурился и мурлыкнул: Филимон не имел ничего против сорока кошек. Конечно, если они живут не на его территории, а в доме какой-то бухгалтерши. Решив списаться завтра с цветком на аватарке, Анна отложила смартфон и наконец-то уснула.

А в семь утра её разбудил звонок Маргариты Семёновны. Начальница обладала неприятным талантом звонить в самое неподходящее время.

– Анна Сергеевна, – сварливо сказала она, – вы же не забыли, что в десять у нас встреча с Оксаной Геннадьевной?

– Да, я помню, – соврала Анна, пытаясь одновременно открыть глаза, найти очки и перестать зевать.

– Материалы готовы?

Анна посмотрела на стол, где лежал листок с надписью «ГРАЦИЯ», и ощутила лёгкий приступ ужаса.

– В общем-то, да.

– Что значит «в общем-то»?

– Это значит, что я ещё дооформлю одну часть.

– Анна Сергеевна, – голос Маргариты Семёновны приобрёл леденящий оттенок, – я очень надеюсь, что вы не подведёте архив. Потому что если вы опять увлеклись побочными сюжетами, это будет очень некстати.

Связь прервалась. Анна уронила телефон на подушку и простонала. Спавший в ногах Филимон, приоткрыл глаза и посмотрел на хозяйку с презрением. По его мнению, человек, который не может защитить себя перед начальством, не имеет права распоряжаться кошачьим завтраком.

Через сорок минут архивистка Плахтина уже бежала к архиву по мокрым после ночного дождя улицам. Город только просыпался. У автобусной остановки две пенсионерки обсуждали

новую плитку возле здания администрации. Вокруг клумбы с тюльпанами, воровато озираясь, бродил забулдыга. Из модной кофейни пахло молотой арабикой и круассанами.

Приозёрск жил своей неторопливой жизнью – без драм и происшествий. Последний раз что-то по-настоящему интересное произошло здесь лет пять назад, когда у председателя общества пчеловодов пропали двадцать ульев. Пчёл нашли через неделю. Председателя – ещё через три дня. Он скрывался в соседнем городе у любовницы и очень просил не рассказывать об этом жене. С тех пор жизнь текла мирно.

Поэтому, когда в восемь часов сорок три минуты Анна Плахтина появилась на главной площади, половина города уже знала, что она опять опоздала на работу.

В архиве царило оживление. Лида Краснова, удивительным образом оказавшаяся на рабочем месте, жаловалась на давление, колени и магнитные бури. Маргарита Семёновна с лицом прокурора раскладывала по папкам какие-то отчёты. Анна, воровато пригибаясь, шмыгнула к столу в надежде наскоро собрать юбилейную подборку, но не успела даже снять куртку.

– Плахтина! – раздался голос начальницы. – Зайдите ко мне.

В кабинете Козловой, куда вслед за Маргаритой Семёновной покорно потащилась Анна, уже сидела Оксана Геннадьевна Красавкина – в светлом тренче, с безупречной укладкой и кислым лицом. На столе перед ней лежал планшет, рядом стоял бумажный стаканчик с кофе.

– Доброе, – царственно кивнула Оксана Геннадьевна идеально причёсанной головой. – Ну, чем порадуете?

Анна робко положила на стол тощенькую папку. Брезгливо взяв её двумя пальцами, Красавкина бегло пролистала материалы и подняла глаза.

– Это всё?

– Пока первая часть. Я отобрала интересные факты про старые улицы, городской сад, доходные дома… Есть ещё подборка фотографий…

– И это вы делали две недели? – очень тихо спросила Оксана Геннадьевна.

Анна почувствовала, как у неё начинают гореть уши. Была не была!

– Я нашла ещё одну историю, – торопливо сказала она, прежде чем сообразила, что лучше бы промолчать. – Возможно, она вас заинтересует. Про модельное агентство в девяностых. Девушки уезжали по контрактам за границу, несколько человек пропали. Я думаю, это хороший материал.

Маргарита Семёновна закрыла глаза, чтобы никто не увидел в них желание прибить подчинённую архивной папкой. Но Оксана Геннадьевна неожиданно заинтересовалась.

– Какое ещё модельное агентство?

Анна торопливо пересказала всё, что смогла узнать: про рекламную статью о «Грации», соседку Машу Медянову, сообщение о розыске, фотографию с девушками и странную надпись на обороте. Пока она говорила, лицо Оксаны Геннадьевны менялось. Сначала на нём было раздражение, потом скепсис, потом нехорошее любопытство, с которым бывалый журналист чует скандал.

– Вы уверены, что это не про девочек, которые просто удрали из дома? – спросила Красавкина.

– Не знаю, – честно призналась Анна. – Могли и удрать. А могли стать жертвами маньяка. Мне кажется, что этой историей никто тогда не занимался.

– Кажется ей! Когда кажется, креститься надо! – рявкнула на нерадивую сотрудницу Маргарита Семёновна.

Оксана Геннадьевна постучала длинным ногтем по столу.

– Хм. Конечно, для официального городского портала тема спорная... – задумчиво сказала она. – Но если подать аккуратно, как ретроспективу девяностых, без хайпа...

Маргарита Семёновна изменилась в лице.

– Оксана Геннадьевна, – осторожно начала она, – всё-таки мы готовим юбилейный проект, а не криминальную сенсацию.

– Маргарита Семёновна, – промурлыкала Красавкина, – читателям нужна жизнь. Не только «в тысяча девятьсот семьдесят втором году комбайнеры Приозёрья намолотили сто тонн пшеницы», а что-то стоящее. Первое модельное агентство, местные красавицы на мировых подиумах, – это же прекрасно.

Анна мысленно отметила, что слово «прекрасно» в устах главного редактора «Вестника Приозёрья» прозвучало максимально зловеще.

– Значит, так, – подытожила Оксана Геннадьевна. – Продолжайте копать. Но параллельно добивайте обычную подборку, потому что юбилей никто не отменял. Утром жду от вас материалы по «Грации». А к пятнице я хочу готовый текст. Но без всех этих маньяков, ясно? Максимально нейтрально. С фактчекингом, именами, фотографиями и комментариями. Если найдёте родственников – вообще супер, сделаем большой текст. Название потом придумаем. Что-нибудь вроде: «Красавицы на экспорт».

Маргарита Семёновна издала звук, похожий на предсмертный хрип.

– К пятнице? – ошалело переспросила Анна.

– А что вас удивляет? Сегодня среда.

– Сегодня вторник, – тоскливо просипела Маргарита Семёновна.

Красавкина заглянула в смартфон.

– Да? Тем лучше. Значит, у нас больше времени.

Она поднялась, подхватив стаканчик с кофе, и уже в дверях обернулась:

– И ещё. Если вы уж полезли в эту историю, постарайтесь понять, которая из них вернулась. И найдите её. Ок?

После её ухода в кабинете повисла пауза. Маргарита Семёновна смотрела на Анну молча.

– Ну что ж, – наконец произнесла она. – Поздравляю. Вы не просто сорвали сроки. Вы ещё и получили дополнительную работу. Это, надо признать, редкий талант.

– Но ведь Оксана Геннадьевна сама...

– Оксана Геннадьевна завтра забудет, что говорила, а разгребать всё это буду я! – прорычала начальница. – Поэтому слушайте внимательно. До пятницы мне на стол ляжет полная подборка по юбилею. И отдельно эти, как вы выражаетесь, модели. Если из-за вашей глупости архив будет выглядеть сборищем городских сплетников, я лично отправлю вас описывать фонд сельхозуправления за семьдесят первый год. Вручную.

Это была серьёзная угроза. Фонд сельхозуправления в архиве считался аналогом чистилища. Там было триста восемьдесят семь дел, половина без описи, слипшиеся от сырости, с почерком, который, по общему мнению, был нечитаемым изначально.

На подгибающихся ногах Анна вышла из кабинета. В душе у неё царило смятение. С одной стороны, всё стало хуже. Сроки, начальство, двойная работа и возможная ссылка в сельхозуправление. С другой, история про «Грацию» неожиданно получила право на жизнь. И это означало, что теперь она может рыться в прошлом без чувства вины.

Сев за стол, Анна достала из ящика папку с материалами и положила сверху чистый лист. Пока у неё были лишь две версии.

Первая. Исчезновения – дело рук неизвестного маньяка, который предпочитал девушек модельной внешности.

Вторая. Все пятеро были моделями злополучной «Грации» и пропали после выезда за границу, куда их отправило модельное агентство.

Она решила начать с первой. Ведь там был живой свидетель – Светик_нежность с цветком на аватарке. Анна зашла в городскую «подслушку» и попробовала написать сообщение

Светику. Но «подслушка» огорошила сообщением: «Пользователь с таким именем не найден или удалён».

– Ожидаемо, – пробормотала Анна, потерев переносицу.– Всё-таки десять лет прошло…

Версия про маньяка зависла в воздухе. Больше о загадочном охотнике на приозёрских красавиц нигде не упоминалось. Пресса, полиция и общественность тех лет хранили молчание. Что уже само по себе было подозрительно.

– А может, и не было никакого маньяка, – сообщила Анна письменному столу. – Может, бухгалтерша с сорока кошками его выдумала. А может, это и не бухгалтерша была вовсе, а какая-то прыщавая школота развлекалась в интернете.

Отложив первую версию до лучших времён, Анна задумчиво разглядывала знакомое лицо на старом снимке. Маша, Маша… Что же случилось с тобой и остальными в девяносто шестом году?

И в этот же момент тренькнул смартфон. Она посмотрела на экран: номер был незнакомым. Сообщение состояло всего из двух строк: «Если интересуетесь Машей Медяновой, ищите Анфису Князеву. Она в курсе».

Анна медленно перевела взгляд на фотографию девушек, лежавшую в папке. Анфиса Князева. Кто она? Соседка, родственница, подруга или случайная знакомая Маши? А может, одна из тех пяти, кто стоял под самодельным баннером «Грации» в октябре девяносто шестого?

Она сверилась с объявлениями о розыске: Мария Медянова, Евгения Крылова, Наталья Ковтун, Светлана Беликова, Ирина Хомутова. Никакой информации об исчезновении Анфисы Князевой она не нашла. Получается, Князева никуда не пропадала? Или её просто никто не искал?

Глава 3

Если бы в Приозёрске существовал конкурс на самую бесполезную мысль, первое место, безусловно, заняло бы выражение: «Утро вечера мудренее».

Анна Плахтина проверяла эту теорию много раз и всегда приходила к одному и тому же выводу: утро не мудренее, утро злее. Вечером проблема кажется неприятной, но решаемой. Утром она просыпается раньше вас, надевает кроссовки и уже топчется у выхода с табличкой: «Ну что, допрыгалась?».

Именно в таком настроении Анна открыла глаза в среду. Ночью опять лил дождь, старые рамы в квартире дребезжали от ветра, а подоконник пришлось дважды вытирать тряпкой – каким-то необъяснимым образом вода проникала даже сквозь наглухо закрытое окно, словно очень хотела жить вместе с Анной. На кухне пахло сыростью, кошачьим кормом и лекарствами.

Они лежали на столе ровными коробочками – таблетки от давления, сердечные капли, что-то для суставов, что-то для желудка и что-то «на всякий случай». Всё это добро предлагалось отвезти сегодня вечером на другой конец Приозёрска, где жила мать Анны.

Они разъехались лет пятнадцать назад, как только умерла бабушка, оставив любимой Анечке в наследство маленькую однушку на улице Комсомольской. Квартира была запущенная, дом старым, но она не раздумывала ни секунды – жизнь с матерью после развода родителей стала невыносимой.

Нина Павловна Плахтина отказывалась смириться с тем, что муж ушёл от неё к юной секретарше, и совсем разболелась. Как она сама говорила, на нервной почве. Но через пару лет жизни вдвоём, Анна поняла: ещё немного – и ей самой понадобится невролог. Или даже психиатр. И предпочла ухаживать за матерью с безопасного расстояния.

Она открыла заметки в смартфоне: что купить, что заканчивается, когда везти Нину Павловну к кардиологу, сколько денег осталось до зарплаты и можно ли дотянуть до неё, не продавая почку.

К счастью, с почкой пока удавалось повременить.

Анна Плахтина жила очень скромно даже по приозёрским меркам. Зарплата архивистки не располагала к безумствам вроде отпуска в Турции, походов к косметологу или покупки новой куртки. Часть денег уходила на квартиру и лекарства для матери, ещё часть – на еду, проезд и латание бесконечных дыр вроде потёкшего крана, сгоревшего чайника или зимних сапог, которые разваливались, когда на карте оставалось рублей триста.

Иногда Анне казалось, что её жизнь похожа на лоскутное одеяло: где ни потяни – везде чёрная дыра, затянутая множеством кое-как сшитых кусочков. Но уехать из Приозёрска она не могла. Нина Павловна, хотя и жила отдельно, почти не выходила из дома, жаловалась на сердце и была уверена, что дочь просто обязана посвятить свою никчёмную жизнь уходу за больной родительницей.

Да и куда ей было ехать? С дипломом архивиста, Ниной Павловной и Филимоном на руках, без денег, без связей и без надежды на то, что в другом месте её хоть кто-нибудь ждёт.

Друзей у неё не было. Мужчины – тем более. Ещё в школе замкнутая, невзрачная Анечка терялась на фоне ярких одноклассниц, поэтому подпирала стены на дискотеках и возвращалась из школы в гордом одиночестве. Никто не хотел провожать её домой, носить портфель и обрывать для букета ветви буйно цветущей сирени.

Анечка никогда не получала валентинок и плюшевых мишек, ей не дарили цветов и конфет. Лишь однажды – на выпускном вечере, когда она привычно торчала у стены, отводя взгляд от усыпанных подарками девчонок, одноклассник Илья Сокольский вручил ей чахлую гвоздичку.

– Держи, Анька, – добродушно бросил он, проходя мимо под руку с первой красавицей класса – Викой Подоприхиной.

Что называется, пожалел.

Во взрослой жизни лучше не стало. Мужчины упрямо отказывались обращать на неё внимание. Да и было их в окружении Анны катастрофически мало. Даже учёба в областном центре не исправила ситуацию: из всех учебных заведений она выбрала гуманитарный университет, который называли «женским». Десять парней, по какому-то недоразумению затесавшиеся в архивисты, к пятому курсу были окольцованы самыми красивыми однокурсницами. Разумеется, Анна в их число не входила.

Единственный роман с женатым командировочным закончился так уныло, что она предпочитала считать его разновидностью пищевого отравления: неприятно, стыдно, но прошло без последствий. После этого Анна окончательно смирилась с одинокой размеренной жизнью, которая состояла из ворчания матери, капризов кота, просмотров детективных сериалов и работы в архиве.

Работа была малооплачиваемая, нервная, с Маргаритой Семёновной в качестве стихийного бедствия, но всё-таки архивистка Плахтина любила архив. Это было единственное стабильное место в жизни, где она хотя бы понимала правила игры. Если её уволят, второй такой работы она больше не найдёт: в Приозёрске вакансии для архивистов появлялись так же часто, как и северное сияние.

Поэтому, выйдя утром из дома, Анна ясно понимала: ссориться с начальством ей нельзя. Срывать сроки и раздражать редакторшу, тем более. Продолжать копаться в истории модельного агентства, вместо того чтобы делать юбилейную подборку, тоже не рекомендуется. И всё же, именно это она и собиралась делать. Потому что ей не давало покоя полученное вчера загадочное сообщение.

«Если интересуетесь Машей Медяновой, ищите Анфису Князеву»

Кто отправил это сообщение? Откуда у анонима её номер? Кто такая эта Князева?

Анна шла к архиву по влажной после дождя улице и думала, что в нормальном детективе у героини должны быть улики и версии или хотя бы надёжный напарник. У Анны имелись

зонтик, пакет с лекарствами для матери и ощущение, что она влезает туда, откуда разумные люди стараются держаться подальше.

Приозёрск тем временем просыпался, готовясь начать обычный день. В дверях придомового магазинчика мордастая продавщица скандалила с грузчиком. На углу улицы Советской загорелый мужик в майке-алкоголичке важно мыл красную «Ладу». А у памятника неизвестному революционеру сидела на скамейке компания старух, похожая на тайный совет города.

Анна подозревала, что так оно и есть. Любой городок с населением меньше тридцати тысяч человек управляется не администрацией, а бабками на лавках. Здесь принимаются решения, выносятся приговоры, рушатся репутации и создаются браки. При желании можно узнать всё: кто пьёт, кто изменяет, кто влез в кредит и почему у парикмахерши Светы из «Кудряшки» новые серьги с топазами.

Сведения об Анфисе Князевой тоже можно было добыть на лавочке, но Анна пока не решалась. Один неверный вопрос, и к вечеру весь город будет знать, что архивистка Плахтина расследует исчезновение девушек, а ещё, вероятно, состоит в секте и хранит дома козлиный череп. Вздохнув, она обошла по широкой дуге скамейку с пенсионерами и нырнула в мрачное здание городского архива.

Там её поджидал скандал. Он сидел в кабинете архивистов, пах дорогими духами и попрежнему носил имя Оксаны Геннадьевны Красавкиной. Сегодня на редакторе городского портала «Вестник Приозёрья» был алый брючный костюм, крупные бриллиантовые серьги и выражение лица, обещавшее Анне незабываемые минуты.

– А вот и наш краевед-энтузиаст, – зловеще произнесла Оксана Геннадьевна, как только архивистка Плахтина вошла в кабинет. – Очень вовремя. Мы как раз обсуждаем, что делать с вашим… творческим подходом к служебным обязанностям.

Маргарита Семёновна сидела за столом с видом праведницы, которую судьба вынудила присутствовать на оргии.

– Анна Сергеевна, – начала она суровым тоном, – объясните, пожалуйста, почему вместо обещанной полной подборки вы отправили Оксане Геннадьевне несколько газетных заметок про модельное агентство, три фамилии пропавших девушек и один снимок плохого качества, на обороте которого кто-то написал неизвестно что?

– Во-первых, не три фамилии, а пять, – машинально поправила Анна и тут же поняла, что зря.

Оксана Геннадьевна прикрыла глаза.

– Супер, – сказала она. – То есть вы даже не понимаете, в чём проблема.

– Я понимаю, – промямлила Анна, хотя на самом деле понимала только одно: ещё чуть-чуть, и её действительно выгонят.

– Нет, не понимаете, – вмешалась Маргарита Семёновна. – Проблема в том, что у нас сроки. У нас официальное поручение. У нас юбилейный проект. А вы уже второй день копаетесь в какой-то сомнительной истории столетней давности.

–Тридцатилетней, – снова машинально поправила Анна и тут же мысленно велела себе заткнуться навсегда.

– Да какая разница! – повысила голос начальница.– Если на то пошло, я вообще начинаю сомневаться в вашей профессиональной годности.

Анна похолодела. Маргарита Семёновна произнесла эту фразу слишком уверенно, как человек, который уже примеряется, не пора ли избавляться от неудобной подчинённой. И архивистка Плахтина вдруг ясно увидела всю картину целиком: архив без неё прекрасно обойдётся, на это место можно взять племянницу чьей-нибудь знакомой, Оксана Геннадьевна забудет обо всём через день, а сама Анна останется без работы, без денег, с больной матерью и дипломом, который в Приозёрске годится разве что для растопки.

– Я просто хотела сделать хороший материал, – тихо сказала она.

– Хороший материал? – Оксана Геннадьевна усмехнулась. – Вот это?

Она брезгливо постучала длинным гелиевым ногтем по экрану ноутбука и закатила глаза.

Анна молчала. Спорить было бессмысленно. Всё, что она могла сказать, прозвучало бы жалко. А ей совсем не хотелось жалости от этих двух женщин.

В кабинете повисла пауза, очень неприятная и очень длинная. И тут в дверь постучали.

– Можно? – раздался мужской голос.

На пороге стоял Сергей Петрович Громов.

Анна знала его в лицо, как и все в городе. Почётный гражданин Приозёрска, автор книг о местной истории и бессменный ведущий всех мероприятий, где требовался интеллигентный пожилой человек с хорошей дикцией. В городе таких было немного, а Громов вообще существовал в единственном экземпляре.

Ему было за шестьдесят, но выглядел он бодро, двигался легко. Высокий, сухощавый, с аккуратной бородкой, мягким голосом и внимательными, чуть насмешливыми глазами, мерцавшими из-под очков в тонкой оправе – Сергей Петрович был воплощением классического интеллигента.

– Простите, что прервал вашу беседу. Наверное, я не вовремя?

– Ну что вы, Сергей Петрович, очень даже вовремя, – оживилась Оксана Геннадьевна. – Мы как раз обсуждаем исторический проект ко Дню города.

– И как успехи?

– Были бы лучше, если бы некоторые сотрудники выполняли свои прямые обязанности, а не занимались самодеятельностью, – вмешалась Маргарита Семёновна и злобно покосилась на Анну.

Громов перевёл взгляд на пристыженную архивистку.

– Что за самодеятельность? – поинтересовался он.

– Плахтина раскопала какую-то жуткую историю из девяностых, – нажаловалась Оксана Геннадьевна. – Типа, у нас тут было модельное агентство, которое отправляло девушек работать за границей. А вместо этого их…эм…убивали? Плахтина решила, что за моделями охотился маньяк. Или банда торговцев людьми.

Она картинно вздохнула и выразительно посмотрела на Громова.

– Можете себе представить себе такую дичь? Я думаю, наша Анечка просто пересмотрела криминальных сериалов про девяностые.

– Вот как? – Сергей Петрович перевёл взгляд на Анну.– Модельное агентство? В Приозёрске?

– Именно, – процедила Маргарита Семёновна.– А теперь у нас сорваны все сроки по юбилейному выпуску из-за сотрудницы, которая не умеет правильно расставлять приоритеты.

Анна опустила глаза. Щёки у неё горели. Она терпеть не могла, когда её отчитывали при посторонних, тем более при человеке, которого в городе все уважали.

– Вы позволите? – мягко попросил Сергей Петрович.

Не дожидаясь ответа, он взял папку с материалами. Перелистнул пару страниц, задержался взглядом на фотографии девушек, перевернул её и всмотрелся в подпись.

– Вот как, – произнёс он. – Очень любопытно.

Маргарита Семёновна шумно выдохнула.

– Сергей Петрович, мы сейчас не обсуждаем, любопытно это или нет. Мы обсуждаем дисциплину.

– Дисциплина – это прекрасно, – согласился Громов. – Но я всё же рискну поддержать Анну Сергеевну.

Он повернулся к Оксане Геннадьевне.

– Не бойтесь разрабатывать историю с модельным агентством. Думаю, получится довольно интересно, особенно если Анна Сергеевна будет собирать факты под вашим чутким руководством.

Он слегка поклонился Красавкиной.

– Лихие девяностые, девушки из глубинки, мечтавшие вырваться в Европу, исчезновения, таинственная надпись на фото… Звучит как криминальный роман. А если дополнить статью хорошими иллюстрациями, получится отличный материал. Я бы даже сказал, сенсация, – добавил Громов, задумчиво разглядывая старый снимок.

Оксана Геннадьевна слушала краеведа с удивлением, но в конце кивнула, признавая его правоту.

– Боюсь, что с хорошими иллюстрациями у нас проблема, – кисло заметила она. – В архиве нет ничего приличного, Плахтина раскопала что-то совсем унылое и ужасного качества.

– Это не проблема, – оживился Сергей Петрович. – Я собрал большую фотоколлекцию по девяностым. Праздники, конкурсы, ярмарки, заезжие «звёзды»... Думаю, там найдётся что-то и по модельному агентству. Могу помочь Анне Сергеевне с поиском материалов.

Анна подняла голову. Она чувствовала себя, как приговорённый к смертной казни, которому неожиданно зачитали приказ о помиловании.

– Вы серьёзно? – вырвалось у неё.

– Вполне, – улыбнулся Громов.

Маргарита Семёновна покосилась на него с раздражением. Ей не нравилось, что кто-то публично спасает её подчинённую от публичной порки, да ещё с такой небрежной элегантностью.

Зато Оксана Геннадьевна выглядела довольной.

– Сергей Петрович, если вы готовы нам помочь, это многое меняет. Я бы даже сказала, всё. Потому что без визуала такой текст не выстрелит.

– Договорились, – кивнул Громов. – Анна Сергеевна, загляните ко мне сегодня после обеда. Прошерстим мой архив. Буду рад, если откопаете сенсацию. Коллекция там большая, так как к девяностым у меня личный интерес.

– Спасибо, – промямлила Анна.

– Только это не отменяет вашей основной работы, – тут же вмешалась Маргарита Семёновна. – И если завтра утром у меня на столе не будет нормальной подборки по юбилею, никакие сенсации вас не спасут.

Анна кивнула ещё раз. У неё уже не было сил ни бояться, ни возмущаться. Только странное, почти детское облегчение от того, что её хотя бы не уволили немедленно.

На этом совещание было окончено. Оксана Геннадьевна унеслась прочь вместе с бумажным стаканчиком и запахом кофе. Маргарита Семёновна, грозно насупившись, удалилась к себе. В кабинете остались лишь Анна и Сергей Петрович.

– Не расстраивайтесь так, – сказал он тихо.– В нашем городе не любят людей, которые роются в старых тайнах. Прошлое не терпит любопытства. Оно, знаете ли, начинает нервничать.

Анна невольно улыбнулась.

– У меня такое чувство, что сегодня я уже довела до нервного срыва как минимум двух человек.

– Неплохой результат, – одобрил Громов. – Приходите к трём. Я буду ждать.

Резиденция Громова располагалась в бывшей женской гимназии. Дом был одноэтажный, с колоннами, лепниной и небольшим садиком, где летом цвели мохнатые красно-розовые пионы, а сейчас вовсю буйствовала сирень. Анна пришла без пятнадцати три, с папкой под

мышкой и чувством неловкости на душе. Ей казалось, что Сергей Петрович заступился за неё исключительно по доброте душевной, а теперь жалеет о своём необдуманном порыве. Но Громов встретил её так, будто ждал дорогого гостя.

– Заходите, заходите, – сказал он, проводя Анну в свой кабинет. – Я как раз заварил чай. Без чая у прошлого совсем не тот вкус.

Анна робко вошла в комнату и огляделась. Именно таким она и представляла себе кабинет историка и краеведа: тёмные книжные шкафы до потолка, винтажные фотографии в резных рамках, тяжёлый письменный стол с бронзовой лампой. Над всем этим великолепием витал лёгкий запах дорогой туалетной воды, пыли и типографской краски. Напротив письменного стола, на стене висела большая карта старого Приозёрска, а под окном стояли коробки с фотографиями.

– Вот моё богатство, – сказал Сергей Петрович, проследив за её взглядом. – Хотя половина города считает меня местным сумасшедшим, который собирает всякий хлам.

– У нас в архиве это называют профессиональной деформацией, – тихо заметила Анна.

– Тогда мы с вами коллеги, – улыбнулся Громов.

Он поставил перед ней чашку чая и сел напротив.

– А теперь рассказывайте. Что вы знаете про «Грацию»?

Анна, запинаясь от смущения, выложила ему всё: и про рекламную статью, и про Машу Медянову и про анонимное послание, в котором советовали найти Анфису Князеву. Сейчас вся эта история казалась ей какой-то нелепицей, и она боялась, что такой серьёзный человек поднимет её на смех. Но Сергей Петрович слушал внимательно, не перебивая, только кивал и делал какие-то пометки.

– Любопытно, – подытожил он, когда Анна выдохлась и с надеждой уставилась на собеседника. – «Грацию» я, конечно, помню. Шуму тогда было много. Для приозёрцев это модельное агентство стало чем-то вроде билета в красивую жизнь. Девчонки толпами выстраивались на кастинг. Общественность, конечно, не одобряла. У нас вообще очень консервативные нравы, если вы заметили…

Анна с готовностью кивнула.

– А Ларису Звонарёву вы знали?

– Так, видел пару раз на городских праздниках. Эффектная женщина и очень бойкая. Кажется, не местная, откуда-то приехала. Умела нравиться людям. Такие всегда выходят сухими из воды.

Он подошёл к шкафу и достал оттуда толстую папку с наклейкой «Приозёрск. 1990-е».

– Ну, давайте посмотрим. Возможно, что-то всплывёт.

Следующий час они провели над фотографиями. Анна чувствовала себя почти счастливой, ведь впервые с начала расследования кто-то воспринимал её всерьёз. Громов ни в чём не упрекал и не поднимал её на смех, просто внимательно слушал и соглашался с тем, что исчезновения девушек – интересная история, которую стоит раскопать.

В его коллекции нашлись афиши конкурса моделей, анонс благотворительного показа в Доме культуры и несколько рекламных фотографий, на которых девушки из «Грации» позировали у памятника неизвестному революционеру. На одном снимке Анна сразу узнала Машу Медянову – светлые волосы, длинные ноги и счастливая улыбка человека, который уже видит себя далеко отсюда.

– Это она, – тихо сказала Анна. – Моя соседка.

– Красивая девочка, – заметил Сергей Петрович. – Таким в девяностых здесь было тесно.

Анна перебрала ещё несколько листов и вдруг радостно ойкнула.

– Смотрите, здесь есть что-то ещё!

Перед ними лежал чёрно-белый снимок. На ступенях Дворца культуры стояли трое: женщина в светлом костюме, какой-то мужчина в кожаной куртке и одна из девушек. Лицо мужчины на снимке было размытым, но что-то в нём показалось Анне знакомым.

– Кто это? – спросила она.

– Не знаю, – пожал плечами Сергей Петрович. – Похоже, это снимали после одного из городских показов...

Он перевернул фотографию.

На обороте карандашом было написано: «Грация. После отбора. 14 сентября 1996».

И ещё одна строчка, написанная торопливым рваным почерком: «Не отдавайте девочек Седому!».

Анна подняла глаза на Громова. Тот смотрел на надпись очень внимательно.

– Вы знаете, кто такой Седой? – спросила Анна.

Сергей Петрович молчал буквально секунду.

– Анна Сергеевна, у нас тогда полгорода были или лысые, или седые. Да, собственно, как и сейчас, – мягко сказал он, коснувшись белоснежной шевелюры. – Так что эта деталь нам, к сожалению, ничем не поможет.

Анне стало неловко. Повисла пауза, которую прервал звонок смартфона. Громов нехотя глянул на экран:

– Из администрации. Наверное, что-то срочное.

Он извинился и вышел, забрав с собой телефон.

Анна осталась одна. Несколько секунд она молча рассматривала фотографию.

Потом покосилась на стопку бумаг, лежавшую на краю стола. Сверху красовались концертные афиши, программа какого-то мероприятия и приглашение на «Ночь в музее». Под ними виднелся счёт за реставрацию картины и приглашение на краеведческую конференцию в Великий Новгород. В общем, ничего интересного.

И вдруг ей бросился в глаза бумажный уголок, торчавший в самом низу стопки.

Конечно, Анна знала, что приличным людям нельзя рыться в чужих вещах, но искушение оказалось слишком сильным. Воровато озираясь, она осторожно потянула за уголок. Под горой из рекламных буклетов, накладных и счетов неожиданно обнаружился сложенный вдвое лист с машинописным заголовком: «Список участниц, рекомендованных к выезду. Октябрь 1996».

Дрожащими руками Анна развернула лист. В списке было шесть фамилий. Пять из них она уже знала, но последняя фамилия заставила её охнуть, удивлённо вытаращив глаза.

Шестой участницей в списке «Грации» была Анфиса Князева. Та самая, которую ей так советовал найти анонимный доброжелатель.

Глава 4

Некоторые открытия лучше делать в присутствии свидетелей и, по возможности, нотариуса.

Анна сидела в кабинете Громова, держала в руках машинописный лист со списком «рекомендованных к выезду» и смотрела на шестую фамилию так, словно та могла передумать и исчезнуть. Бледно-серые буквы на тонкой, пожелтевшей по краям бумаге почти слились с фоном. Однако можно было без труда разобрать имена и фамилии участниц. Напротив каждой – год рождения и страна назначения. Шесть приозёрских моделей, которых куда-то собирались вывезти. Пятеро из них бесследно исчезли в далёком девяносто шестом. О том, что тогда случилось, могла рассказать шестая из них. Анфиса Князева.

Сердце у Анны бешено стучало. История с пропавшими моделями всё больше напоминала запутанный клубок, из которого торчало сразу несколько нитей. Вот только за какую потянуть, чтобы не ошибиться?

В коридоре Сергей Петрович всё ещё разговаривал по телефону. У неё было секунд тридцать, максимум минута. Анна быстро вытащила телефон, сфотографировала список, потом ещё раз, покрупнее, нижнюю часть листа, где значилась фамилия Князевой. После этого засунула листок обратно, стараясь придать стопке документов первозданный вид. Едва она успела отдёрнуть руку, как дверь кабинета открылась.

– Простите, – сказал Сергей Петрович, входя с усталой улыбкой. – Администрация срочно нуждалась в моём мнении о вещах, которые давно решила без меня. Вы не скучали?

– Нет, – ответила Анна слишком быстро.

Громов взглянул на неё чуть внимательнее, но ничего не сказал. Сел за стол, подвинул к себе чашку с остывшим чаем и вздохнул:

– Итак, на чём мы остановились? Да, на том, что девяностые были отвратительным, страшным временем, но чрезвычайно любопытным для историков…

Анна посмотрела на него и поймала себя на мысли, что Сергей Петрович умеет разговаривать так, что человеку хочется немедленно выложить ему всё – от семейных тайн до содержимого холодильника. Именно поэтому он так легко располагал к себе публику, открывал выставки, дружил с половиной местных учителей и мог в течение десяти минут убедить любого чиновника в необходимости профинансировать культуру.

Она тут же одёрнула себя: слишком быстро доверять обаятельным мужчинам – плохая привычка, даже если мужчина интеллигентный и носит модный льняной пиджак.

– Сергей Петрович, – осторожно начала она, – а вы не помните Анфису Князеву? Я понимаю, что моделей в «Грации» было много, но она как-то замешана в этой истории. И ещё это сообщение…

Громов рассеянно глядел куда-то мимо Анны, постукивая пальцами по столу.

– Князева… – медленно проговорил он. – Нет, навскидку не вспомню. А вы уверены, что она вообще существует, а не выдумка неизвестного отправителя, чтобы специально вас запутать?

«А как же список моделей?» – чуть не брякнула Анна, но вовремя прикусила язык. Проболтаться хозяину кабинета, что вот так, без спроса, рылась в его вещах, было страшнее смерти.

– Интересно, кто этот анонимный «доброжелатель», – угрюмо сказала она. – И откуда он узнал обо мне…

Сергей Петрович улыбнулся краешком рта.

– Это особенность жизни в маленьком городе. Здесь все как на ладони.

Он пододвинул к Анне вазочку с печеньем и продолжил:

– Что касается Князевой… В девяностых возле «Грации» крутилось столько людей… Девочки, родители, организаторы, спонсоры, фотографы, какие-то московские представители… Дворец культуры тогда жил необычайно насыщенной жизнью.

– Я как раз хотела туда сходить, – сказала Анна. – Поговорить со старыми сотрудниками. Может, кто-то вспомнит подробности.

– Только не ждите, что вам сразу всё выложат, – сухо заметил Громов.– Здесь люди прекрасно помнят, в каком платье соседка выходила замуж сто лет тому назад, но им сразу же отшибает память, как только запахнет проблемами.

Анна уныло свесила нос. И Сергей Петрович смягчился.

– Ладно. Дам вам один контакт… Галина Ильинична Коровина, бессменная заведующая костюмерной. Если кто-то и знает, что происходило во Дворце культуры в девяностых, то это она.

Он написал на листке бумаги номер.

– Вот. Скажете ей, что от меня. И ещё, Анна Сергеевна… Будьте осторожны.

– В смысле, не болтать лишнего?

– Просто помните, что грязные истории не любят, когда к ним привлекают внимание. Особенно если там замешаны живые люди.

– Спасибо, – Анна поднялась из-за стола. – За фотографии, за помощь… вообще за всё.

– Не за что. Мне самому любопытно, чем всё это закончится.

Она возвращалась от Громова с лёгким чувством вины за сделанные исподтишка снимки. Однако это чувство мучило Анну недолго. И в самом деле, рассуждала архивистка Плахтина, шагая узкими улочками, неужели знаменитый краевед позабыл про список моделей «Грации», завалявшийся у него в бумагах? Конечно, возраст у Сергея Петровича не так чтобы юный, но на старого склеротика он совсем не похож. Получается, он умышленно скрыл список от Анны? Но подозревать в чём-то непристойном милейшего приозёрского интеллигента было неприятно. Да и какой злой умысел мог быть у Громова, который сам пригласил Анну порыться в своём архиве?

«Буду рад, если откопаете сенсацию…» – всплыли в памяти слова Сергея Петровича.

Вот она и откопала. Правда, тайком от Громова. Но это временно, потом она обязательно всё ему расскажет. Только вначале сама во всём разберётся: Анне отчаянно не хотелось ударить лицом в грязь перед таким обаятельным и умным человеком.

– Есть всё-таки приличные люди в Приозёрске, – подытожила она и неодобрительно покосилась на городской пейзаж.

Всё те же сонные улочки, обгаженный голубями памятник и любопытные пенсионерки на лавочке у подъезда. Сегодня там дежурила тётя Зина в окружении подруг. Подруги носили имена Нелли Петровна и Люся, но в сознании Анны давно слились вместе с тётей Зиной в единый организм. Вся тройка выглядела так, словно с утра несла круглосуточную вахту на благо нравственности.

– Анечка! – нехорошо обрадовалась тётя Зина. – Ты где это бегаешь целыми днями? Мы уж решили, что у тебя роман.

– Угу, с трупом прошлого, – пробормотала Анна.

– С кем? – ахнула Нелли Петровна при слове «труп».

– Шучу, – улыбнулась Анна.– Просто много работы.

– Работа – это хорошо, – подхватила Люся, – но женщина в твоём возрасте должна не только работать. Надо и о себе подумать. А то так и останешься со своим котом.

Анна хмыкнула.

– Я сейчас скажу ужасную вещь. Но с моим котом жить легче, чем с большинством мужчин Приозёрска. Он хотя бы не врёт, где был, и не требует борща на опохмел.

Люся обиженно вытаращила глава в ответ на такое незаслуженное хамство. Нелли Петровна фыркнула, тётя Зина хихикнула, но тут же вернулась к главному:

– А ты, между прочим, зря отмахиваешься. Вон у Валентины с четвёртого племянник развёлся. Очень приличный мужчина, работает вахтой, не пьёт…почти.

–Тётя Зина, я терпеть не могу приличных мужчин. Мне нужен исключительно неприличный.

В ответ на такой явный демарш бравая троица обиженно надулась. Анна уже решила, что они оставили её в покое, когда тётя Зина окликнула её снова:

– Ань! Ты ведь Медяновых помнишь? Ну, Верку с Машкой, которые в вашем доме на втором этаже раньше жили?

Анна остановилась.

– Помню. А что?

Три головы на лавочке синхронно качнулись вперёд, как наклоняются хищные птицы, заметив движение в траве.

– Да ничего особенного, – слишком небрежно сказала тётя Зина. – Просто ты же спрашивала… или не ты? Так вот, Верка два года назад умерла. Сын её, Пашка, живёт где-то в

Самаре, что ли. А про Машку я тебе вот что скажу: когда она пропала, мать лет пять бегала, искала, писала куда-то, в милицию ходила. А однажды, это уже в двухтысячных было, к ней приходила женщина. Такая вся: фыр-фыр! В норке до пят, в ушах брюлики. И они с Веркой ругались так, что крик стоял на весь двор!

– Что за женщина? – быстро спросила Анна.

– Да откуда ж мне знать? Это мне подруга моя, продавщица из мясного рассказала. Катерина как раз в том доме живёт, где и ты раньше, и Медяновых хорошо знает. Так она эту бабу в глазок видела, но только со спины.

– А эта женщина больше не приходила?

– Может, и приходила. Тут столько всего происходит. За всеми не уследишь.

Это заявление было настолько абсурдным, что Анна даже не нашлась с ответом. В Приозёрске мимо бдительных пенсионерок даже мышь бы не проскочила, не говоря уж о посторонних скандальных тётках в норках и бриллиантах.

– А имя той женщины ваша подруга не слышала? – на всякий случай, поинтересовалась Анна.

Тётя Зина с явным сожалением призналась: нет, не слышала.

– Только сказала, что баба та была высокая, тощая, как селёдка. Голос противный. И духи тяжёлые, воняли на весь коридор. Верка ей кричала: «Пошла вон, тварь! Я всё равно ничего не скажу». А потом хлопнула дверью.

Анна медленно кивнула.

Информация была скудная, но полезная. Из неё следовало, что Вера Медянова не смирилась с исчезновением дочери, а пыталась что-то выяснить. И кого-то её активность сильно растревожила.

– Спасибо, тёть Зин!

– Всегда пожалуйста. Ты если ещё что про старых жильцов спросить хочешь, заходи. Мы ведь, можно сказать, коллеги, – кокетливо сказала тётя Зина и кивнула на своих подруг.– Городской архив на свежем воздухе.

Анна посмотрела на лавочку и подумала, что тётя Зина, безусловно, права.

Дома ждал смертельно обиженный Филимон. Кот сидел посреди кухни, мрачно глядя на пустую миску, и всем видом показывал: ещё полчаса – и он начнёт писать завещание.

– Да-да, – согласилась Анна, ставя пакет на стол. – Ты погибаешь. Я чудовище. Но мы сейчас всё исправим.

Филимон позволил себя покормить, после чего нехотя простил хозяйку и лёг на подоконник, откуда можно было наблюдать за процессом приготовления ужина. Но тот оказался для кота неинтересным: гречка, бутерброд с сыром и чай. Наскоро запихав в себя еду и дожёвывая на ходу, Анна понеслась на другой конец города – к матери.

– Ты опять поздно, – заметила Нина Павловна, поправляя на плечах оренбургскую шаль, подаренную дочерью на день рождения. – Совсем себя не бережёшь.

– Работа, мам.

– Работа работой, а сердце одно.

Анна поморщилась. Нина Павловна была из тех матерей, которые умеют одновременно любить, тревожиться и выгрызать мозг. Забота, по их мнению, обязательно должна сопровождаться упрёками, иначе дети не поймут всей серьёзности положения. Анна к этому привыкла так же, как к майским грозам и выговорам Маргариты Семёновны.

Наскоро прибравшись в квартире и напоив мать лекарствами, она вернулась домой и засела за компьютером, расписав всё, что успела узнать.

1. Модельное агентство «Грация». Появилось в Приозёрске в 1996г.

2. Несколько девушек собирались уехать по контрактам за границу.

3. За этим стоит какой-то «Седой».

4. Мать Медяновой ругалась с неизвестной женщиной.

5. Шестая участница из списка «Грации» – Анфиса Князева знает, где остальные.

6. Искать Князеву надо через анонима, приславшего сообщение.

Наступив на горло собственной совести (уже второй раз за день), Анна нашла нелегальное приложение, предлагавшее «пробить человека по номеру». И ввела номер, с которого пришло сообщение. Через секунду на экране высветилось: Анфиса Витальевна Князева.

– Совпадение? Не думаю! – произнесла архивистка Плахтина с интонациями ведущего некогда популярной программы.

И набрала утративший анонимность номер.

После долгих гудков раздался хриплый женский голос.

– Да?

Анна почувствовала, как у неё пересохло во рту.

– Здравствуйте. Это Анна Плахтина. Вы писали мне насчёт Маши Медяновой.

На том конце повисла пауза.

– Никакой Анны Плахтиной я не знаю, – прохрипела женщина.

– Но мне писали с этого номера!

– Вы ошиблись.

– Подождите! – Анна вцепилась в смартфон, словно он мог задержать собеседницу. – Я знаю, что вы – Анфиса Князева. И были связаны с модельным агентством «Грация».

Снова повила пауза.

– Откуда?

– Это неважно. Слушайте, я хочу выяснить, что случилось с Машей и другими девушками. Если вы что-то знаете…

– Ничего я не знаю, – грубо оборвала её Князева. – И ты туда не лезь.

– Почему?

– Потому что кое-кто будет сильно против.

– Кое-кто – это кто?

Трубка фыркнула.

– Слишком поздно ты родилась для этого разговора, лапунь. Забудь про «Грацию». И про Князеву тоже.

– Вы знаете, где Маша?

Но в смартфоне раздались гудки. Анна медленно опустилась на стул и бездумно уставилась в окно. Во дворе мерцали фонари, качались мокрые ветки сирени, а на лавочке под навесом всё ещё сидела бодрая тройка пенсионерок: сплетницы заступили в ночную смену, считая своим долгом выяснить, не происходит ли в Приозёрске что-нибудь достойное обсуждения. Анна уже решила спуститься к ним, когда телефон звякнул новым сообщением. Номер был всё тот же.

«Спроси костюмершу про показ в ноябре 96-го».

Она перечитала сообщение дважды. Похоже, Князева всё-таки решила ей помочь, хоть и говорила загадками. Но откуда она знает, что архивистка собирается навестить старую костюмершу в ДК? Опять совпадение? Что-то их стало очень много в последнее время.

В любом случае выбора у Анны не было, и утром она отправилась за подробностями в городской Дворец культуры. В советский период это было главное место культурной жизни города. Здесь проводили конкурсы самодеятельности, новогодние утренники и грозные партсобрания, после которых половина города выходила на улицу с чувством выполненного долга, а другая половина – с желанием выпить.

Но сейчас ДК переживал не лучшие времена. Колонны у входа облупились, свежие афиши были кое-как налеплены поверх старых объявлений, в фойе пахло линолеумом и столовским борщом, а кружки работали на голом энтузиазме.

И всё же здесь ещё теплилась жизнь: из-за двери танцевального класса доносилась музыка, в коридоре бегали дети с разрисованными лицами, а возле кассы висело объявление о наборе в студию эстрадного вокала «Приозёрочка».

– Интересно, где здесь гнездилась «Грация»? – бурчала Анна, блуждая по извилистому коридору в поисках костюмерной.

Галину Ильиничну Коровину она нашла в закутке за обитой рваным дерматином дверью. Хмурая жилистая женщина лет семидесяти, с короткими фиолетовыми волосами сидела между вешалок с бальными платьями и расшивала пайетками детский кокошник.

– Вам кого? – спросила она, не отрываясь от шитья.

– Здравствуйте. Мне рекомендовал к вам обратиться Сергей Петрович Громов. Я – Анна Плахтина, из архива.

Надрывно вздохнув, Галина Ильинична отложила кокошник и кивнула на стул рядом с собой.

– Ну, если Сергей Петрович… Чего тебе?

Анна скромно устроилась на краешке стула и призналась в том, что ей нужна информация о модельном агентстве «Грация».

– Да помню я эту шарашку, – фыркнула Галина Ильинична. – Такой балаган тут устроили, мама дорогая! Девки эти вечно толпами шлялись по дворцу, как цапли –длинные, тощие и вечно голодные. Думали, сейчас приедут Дольчи Габанны с Версачами и увезут их в Париж. Ага, как же!

– А Лариса Звонарёва? – осмелела Анна.– Она часто здесь бывала?

– Да она не вылезала отсюда: то кастинги, отборы какие-то, то модные показы. Девок этих вечно гоняла по сцене в одних купальниках. Председатель союза ветеранов потом полгода жаловался во все инстанции на разврат во Дворце культуры.

– А в ноябре девяносто шестого был какой-то особенный показ?

Коровина прищурилась.

– Это кто тебе сказал?

– Видела надпись от руки на программке, которую нашла у нас в архиве, – соврала Анна.

Старая костюмерша несколько секунд буравила её взглядом, будто решая, стоит ли откровенничать с этой архивной крысой.

– Был такой показ, – хмуро сказала она. – Но не для публики. Приехали какие-то люди из Москвы: мужики в красных пиджаках, бабы в мехах и золоте. Девчонок вывели, как кобыл на ярмарку. Разглядывали, крутили, заставляли улыбаться. Мне сразу это не понравилось.

– Почему?

– По кочану! – огрызнулась Коровина, обидевшись на тупость собеседницы.– Потому что это не на модельное агентство было похоже, а на отбор шлюх для борделя.

Анна почувствовала, что напала на след.

– Кто был из девушек, помните?

– Машка Медянова точно была. Анфиска Князева. Наташка… как её… Ковтун, кажется. И ещё пара, не помню имён. А вот Светки Беликовой уже не было: или уехала, или заболела.

– Организовывала показ Звонарёва?

– Ну, а кто ж ещё? И мужик один всё крутился, неприятный. С белыми волосами, хотя и не старый. В кожаной куртке. Его все Седым называли. Приходил, командовал, девчонок гнобил. А один раз с Анфиской Князевой ругались так, что думала, поубивают друг дружку. Она ему кричала: верни документы, козёл. А он ей: заткнись, тварь, или поедешь не в Италию, а в багажнике в лес. Я тогда ещё подумала: хорошие у них там, видно, контракты.

– И чем всё закончилось?

– Поорали и успокоились. Видно, договорились. А через пару недель «Грация» эта вдруг свернулась и Звонарёва слиняла в неизвестном направлении. И куда девчонки подевались, тоже не знаю.

Галина Ильинична помолчала, потом неожиданно добавила:

– Только ты, милая, зря в это полезла.

– Почему?

– Потому что большие люди очень не любят вспоминать, как они в эти люди вышли, – туманно ответила костюмерша.

Но Анна не сдавалась.

– Анфиса Князева… она же вернулась, да?

Галина Ильинична посмотрела на неё пристально.

– Кто тебе сказал?

– Просто… слышала.

– Слышала она! – фыркнула Коровина. – Тут у нас расскажут! И чего не было, выдумают. Анфиску я видела давно: где-то в году в двухтысячном, на рынке. Шла в тёмных очках, худая как палка, и рожа такая, будто сейчас укусит. Окликнула её, а она даже не обернулась. Хотя, может, это и не Анфиска была…

Анна задумчиво рассматривала мозаичное панно, красовавшееся за спиной у Коровиной. Картина изображала жизнерадостных девушек в сарафанах и кокошниках, которые плыли в томном хороводе. Вряд ли таких крепких щекастых красоток взяли бы моделями в девяностых. Хотя, может, это и к лучшему.

Информации у неё стало больше, но ясности не прибавилось. Закрытый показ в ноябре девяносто шестого всё-таки был. Его организовывали Звонарёва и Седой, с которым Князева ругалась из-за паспорта. Может, девушек удерживали в агентстве насильно? Из сериалов Анна знала о такой криминальной схеме: вначале обещали золотые горы, потом под удобным предлогом отбирали паспорт – и добро пожаловать в сексуальное рабство!

– Спасибо вам, – сказала она, вставая. – Вы очень помогли.

– Да на здоровье. Только если полезешь в эту историю, ходи да оглядывайся!

– Это ещё почему?

– Да потому что вчера про тебя тут уже спрашивали.

Анна почувствовала, как по спине ползёт холодок.

– Кто?

– Мужик какой-то. Сказал, из администрации. Интересовался, не приходила ли к нам архивистка, которая копается в истории модельного агентства. Конечно, я ему ничего не сказала. Но он мне не понравился.

– Что за мужик?

– В тёмной куртке. Лицо обычное, потом и не вспомнишь. Вроде вежливый, а глаза злые.

Озноб вдоль хребта тут же усилился.

– И что вы ему ответили?

– Что я ему не справочное бюро! И народ у нас тут толпами ходит, всех не упомнишь. Он, ясен пень, не поверил, но отвязался

Поблагодарив Галину Ильиничну за бдительность, Анна вышла из костюмерной на ватных ногах.

Во Дворце культуры шумела жизнь. Из актового зала доносился детский хор, где один из голосов отчаянно фальшивил. Наверху кто-то бренчал на гитаре. Мимо пробежала девочка в короне из фольги и белой пачке, похожая на маленькую, но очень решительную снежинку. На первый взгляд, вокруг ничего не изменилось, но где-то рядом бродила опасность.

– Давно мной не интересовались мужчины, – бормотала Анна, снова блуждая по коридору, теперь уже в поисках выхода. – Конечно, такое внимание мне льстит, но лучше я как-нибудь обойдусь...

На улице моросил дождь. Она раскрыла зонт и медленно пошла к площади. Мысли путались. Кто-то знает, что она расспрашивает про «Грацию». Кто-то представляется администрацией и следит за ней ещё со вчерашнего дня. Бывшие хозяева «Грации»? Или тот самый маньяк из девяностых?

Она приказала себе не драматизировать. В конце концов, это может быть кто угодно. К примеру, Оксана Геннадьевна решила проверить, чем она занимается. Или Маргарита Семёновна послала знакомого. Да та же Анфиса Князева нервничает и на всякий случай подстраховывается. Всё можно объяснить без мафии, убийц и торговцев живым товаром.

Проблема была в том, что ей самой всё меньше верилось в мирные объяснения.

На автобусной остановке Анна полезла в сумку за телефоном и обнаружила, что молния на боковом кармане расстёгнута. Сердце забилось и ухнуло куда-то вниз. Дрожащей рукой Анна зашарила в сумке. Телефон лежал на месте, кошелёк тоже. Ключи, упаковка влажных салфеток, чек из аптеки, даже позавчерашний пакетик с леденцами – всё было при ней.

Не хватало только одного. Фотографий, которые она раздобыла у Громова.

Анна лихорадочно пролистала галерею в смартфоне. Снимки исчезли. Она остановилась посреди тротуара, опустив зонт и даже не чувствуя, как холодные капли дождя затекают за воротник. Сама она удалить их не могла. В кабинете Громова телефон был при ней. Потом – в сумке, дома, в ДК. Значит, кто-то получил удалённый доступ к смартфону или… Или она сходит с ума.

Эта мысль Анне не понравилась. Чтобы успокоиться, она встала на цыпочки, подняла руки над головой, сделала глубокий вдох, затем выдох и повторила несколько раз. Именно такое упражнение для релакса практиковал красавец-сыщик в её любимом сериале. Однако приозёрские жители криминальных драм не смотрели и дыхательными практиками не увлекались. Поэтому очень скоро вокруг Анны собралась кучка прохожих, которые с интересом наблюдали за спятившей архивисткой. Опомнившись, она с невозмутимым видом выбралась из толпы и пересекла площадь. И лишь убедившись, что никто из зевак её больше не видит, уныло ссутулилась и побрела к дому.

У подъезда, конечно же, сидела тётя Зина с подругами. Вид у тройки сплетниц был такой, словно они только что коллективно раскрыли масонский заговор.

– Ань! – окликнула тётя Зина. – А мы тут как раз про тебя говорили.

– Надеюсь, только хорошее? – бледно улыбнулась архивистка Плахтина.

– Смотря что считать хорошим, – ответила Нелли Петровна. – К тебе сегодня днём мужчина приходил.

Анна замерла на полпути в подъезд.

– Какой мужчина?

– Не местный, – сказала с удовольствием Люся. – На машине. Такая большая, чёрная. Солидная. Он сначала спросил, дома ли ты, а потом постоял, посмотрел на окна и уехал.

– И вы, конечно, спросили, кто он и зачем? – без особой надежды уточнила Анна.

– Само собой, – оскорбилась тётя Зина. – Мы что, не понимаем? Только он не признался. Улыбнулся и говорит: «Старый знакомый». А я сразу поняла, что врёт.

– Это как?

– А так! Старый знакомый не спрашивал бы у нас, на каком этаже ты живёшь.

Анна медленно кивнула.

– Спасибо большое.

–Ты бы поосторожнее, Анечка, – неожиданно серьёзно сказала тётя Зина.– Не понравился мне этот мужик. Вежливый слишком. А от вежливых мужиков, которые интересуются посторонними женщинами, добра не жди.

Дома Анна первым делом проверила дверь, потом окна, потом снова замок. Не успокоившись, она подтащила к двери массивную обувницу и заблокировала вход в квартиру. Затем затаилась в прихожей, с опаской поглядывая в тёмный проём гостиной.

Опасность стала почти осязаемой и караулила её где-то за стенами дома. Защитить Анну было некому. Кроме разве что Филимона.

– Вся надежда на тебя, – сказала она коту, который нарисовался в прихожей и с интересом наблюдал за спятившей хозяйкой.

Анна потянулась его погладить, но Филимон ловко увернулся и нырнул под обувницу: больше всего на свете кот ценил собственный покой и не собирался потакать нервным женщинам.

Пригибаясь, как под обстрелом, Анна прокралась в гостиную, задёрнула шторы и дрожащими руками снова пролистала галерею в смартфоне. Фотографии не появились. Зато смартфон разразился надрывным звонком, от которого она подпрыгнула. Но тревога оказалась ложной: звонила мать и долго жаловалась на ведущих новостей, которые «мямлят, как будто каша во рту». Успокоив Нину Павловну, она обессиленно опустилась на диван и с отчаянием уставилась в стену: её маленький и такой неприхотливый мир начинал трещать по швам. Может быть, окружающее правы, и она просто лезет в не своё дело?

Но потом Анна вспомнила залитый солнцем двор, запах сладких духов и тонкую руку, протягивающую ей жвачку в ярком фантике.

– Я всё равно узнаю, что случилось, – пообещала она кому-то невидимому. – Хотя бы ради твоей памяти…

Поздно вечером Анна засела на кухне с чашкой чая, перебирая факты. Если агентство развалилось, когда им заинтересовались силовики, и даже через тридцать лет люди нервничают при одном упоминании «Грации», искать нужно не только пропавших девушек, но и тех, кто за этим стоял.

Она открыла заметки в смартфоне и вбила туда фразу: «Где Звонарёва»?

И тут же телефон завибрировал. На экране высветилось сообщение от Князевой. Всего три слова: «Она не Звонарёва».

Анна обалдело уставилась на экран. Перечитала сообщение дважды, потом трижды. Всё это слишком походило на мистику, но архивистка Плахтина верила не в телепатию, а в здравый смысл. И он подсказывал, что за Анной следят через вирусное приложение. Это было неприятно. Ещё неприятнее было отсутствие версий, как и когда оно попало на смартфон. Не Филимон же его установил!

Анна покосилась на кота, и тот ответил ей возмущённым взглядом.

– Ладно, ладно, – сказала она примирительным тоном.– Я знаю, что котики на такое не способны.

Накрыв телефон подушкой, Анна решила завтра же отнести его ремонтникам, чтобы те поискали в нём вредоносные программы.

Словно издеваясь над ней, смартфон снова звякнул. Анна опасливо заглянула под подушку и ахнула, увидев новое сообщение: «Если хочешь узнать настоящую фамилию Ларисы, завтра в 11:00 приходи на старое кладбище. Одна».

Глава 5

Если бы архивистку Плахтину кто-нибудь спросил, какие места в Приозёрске она считает самыми неподходящими для встреч, Анна, не задумываясь, назвала бы три: районную поликлинику, овощной павильон у вокзала и старое городское кладбище.

Поликлиника пугала очередями, овощной павильон – запахом гнилой капусты и выражением лица продавщицы Аллы, а старое кладбище – общей атмосферой и слухами об ожив-ших покойниках. Туда и предлагали явиться к одиннадцати утра. Да ещё и одной.

Анна прочитала анонимное сообщение раз десять. Потом удалила, потом восстановила из корзины, потому что внезапно поняла: настали времена, когда даже самый невинный текст нельзя удалять без скриншотов. С этой разумной мыслью и смартфоном в руках она и уснула.

Спала Анна плохо. Ей снились мокрые от дождя надгробия, длинные коридоры архива, в которых кто-то её караулил, и Лариса Звонарёва – почему-то в белом плаще и с лицом Маргариты Семёновны.

Утро не внесло ясности, зато принесло моросящий дождь и стойкое ощущение, что ничего хорошего из затеи с кладбищем не выйдет. Такого же мнения придерживался и Филимон. Нервно мяукая, он путался под ногами, а затем уселся перед дверью, перекрыв выход.

– Ну, хоть ты-то не начинай! – взмолилась Анна.

Она отпихнула кота, отправила Маргарите Семёновне сообщение с просьбой об отгуле, взяла зонт и, задавив тревогу, которая с утра сидела в груди тяжёлым комом, вышла из дома.

Во дворе, разумеется, дежурила боевая троица. Тайный совет Приозёрска расположился под навесом, вооружившись семечками, пледами и намерением пережить даже конец света.

– Ань, ты чего такая бледная? – окликнула тётя Зина.– Заболела, что ли?

– Нет, просто жизнь интересная.

– Это плохо, – авторитетно заявила Люся. – Если у женщины интересная жизнь, значит, у неё или любовник, или кредит, или проблемы на работе.

– Или всё сразу, – мрачно заметила Анна.

Нелли Петровна немедленно ухватилась за самое перспективное:

– Любовник-то хоть симпатичный?

– Эх, Нелли Петровна! Был бы у меня любовник, я не шла бы сейчас под дождём на кладбище, – ляпнула Анна и только потом поняла, что какую глупость только что совершила.

Три пары глаз загорелись таким восторгом, словно она объявила о намерении станцевать стриптиз на заседании городской думы.

– На кладбище? – переспросила тётя Зина, понизив голос до трагического шёпота.– А зачем?

– За острыми ощущениями, – буркнула Анна и ринулась прочь со двора, пока они не начали крестить её вслед.

Она почти физически ощущала, как за спиной рождается новая городская легенда. К вечеру весь Приозёрск узнает, что архивистка Плахтина бродит между могилами в дождь, вызывая покойников, чтобы приворожить любовника, а если повезёт – ещё и собирает там компромат.

Анна относилась к кладбищам без суеверного ужаса, но и без особой нежности. Ей каза-лось, что души умерших вряд ли проводят вечность под гранитной плитой. А вот живые на кладбищах часто ведут себя очень странно.

Часы на телефоне показывали без десяти одиннадцать, когда она толкнула заржавленную калитку. Впереди, среди зарослей ольхи и сирени, вилась узкая каменная дорожка. Вдоль неё из влажного сумрака выступали резные металлические оградки и блестели чёрные гранитные плиты. Пахло мокрой землёй, прошлогодней листвой и чем-то сладковато-гнилым, как пахнут старые сады в дождь.

Анна остановилась посреди дороги, огляделась и почувствовала себя дурой.

И зачем, спрашивается, она сюда притащилась? Никаких указателей в сообщении не было. Ни участка, ни фамилии, ни хотя бы какого-то ориентира вроде «третьего поворота, потом налево у ангела».

Словно в ответ на её мысли пискнул смартфон.

«Южный сектор, возле белого камня», – скомандовал неизвестный.

– Ну, хоть что-то, – хмыкнула Анна.

Белым камнем называли памятник из девяностых, который вдова одного из криминальных авторитетов воздвигла на могиле мужа после его гибели на разборке. Огромный кусок белого мрамора торчал, как прыщ на благообразном лице кладбища, зато служил отличным ориентиром для посетителей.

Анна медленно пошла вперёд, проваливаясь ногами в прикрытую травой мокрую землю. Зонт мешал смотреть по сторонам, но без него за шиворот тут же заливался дождь. Телефон она держала в кармане куртки – на случай, если аноним решит позвонить или написать. Но тот упрямо молчал. Только дождь шуршал в кронах деревьев и капал слезами с покосившихся крестов и каменных стел.

– Ну и где ты? – пробормотала она, злясь на себя за то, что вообще сюда пришла.

В ответ что-то затрещало в кустах. Анна вздрогнула так, что едва не выронила зонт. Из-за сирени выскочил тощий рыжий кот, посмотрел на неё, как на дуру, и с достоинством удалился между могил.

– Отлично, – сказала Анна вполголоса. – Ещё немного, и я начну бояться флоры и фауны.

Она отважно зашагала дальше, свернув на боковую дорожку, потом ещё на одну. Здесь уже не было даже тропинки, а в густых зарослях травы торчали старые памятники, покосившиеся кресты и таблички с полустёртыми буквами. И Анна поняла, что заблудилась. Деревья заслоняли обзор, дождь всё усиливался, а смартфон, как назло, показывал одно деление сети и никак не помогал хозяйке сориентироваться на местности.

Подавив первый приступ паники, она попыталась вернуться назад, но вместо центральной аллеи вышла к южному сектору, где могилы теснились, как зубы в акульем рту. Между ними, метрах в пятидесяти, виднелся белый камень. В этом заросшем дикими яблонями месте было особенно тихо. Даже дождь звучал глухо, оставшись где-то далеко снаружи.

И именно здесь она увидела памятник.

Он был слишком новый для этого кладбища. Чёрный полированный гранит, металлическая ограда и ещё не успевшая зарасти мхом плитка. Из овальной рамки на Анну смотрела молодая женщина с очень светлыми волосами, высокими скулами и тем мечтательным взглядом миндалевидных глаз, который Анна уже видела в детстве и на старой фотографии в папке Громова.

Сердце у неё ухнуло.

МЕДЯНОВА МАРИЯ ВИКТОРОВНА

1978–1997

Анна застыла под дождём, глядя на портрет.

Та самая Маша Медянова из соседнего подъезда, одна из пяти девушек со старой фотографии, красавица, которая уехала по контракту и не вернулась.

Под именем шла короткая надпись: «От любящих мамы и брата»

Никаких подробностей, только дата: 1997 год.

Она медленно провела пальцами по мокрому граниту. Если Маша официально похоронена, почему мать искала её столько лет? Почему на надгробии дата смерти – девяносто седьмой, ведь Медянова тогда ещё считалась пропавшей без вести? И кто привёз тело в Приозёрск, если Маша умерла за границей?

Рядом с памятником стояла маленькая каменная ваза. В ней лежали белые гвоздики, совсем свежие. На мокрых лепестках ещё блестели капли дождя. Значит, кто-то сюда ходит. Приглядывает за могилкой. И этот кто-то был здесь совсем недавно.

Анна быстро огляделась, словно он мог стоять у неё за спиной. Никого. Только мокрые кусты, покосившиеся ограды и дождь. На плите у подножия памятника что-то белело. Анна наклонилась. Это была фотография, вымокшая и прижатая к подножию камешком. Старый любительский снимок размером с ладонь. На ней три девушки стояли на сцене в одинаковых блестящих платьях, а за их спинами висел баннер с едва читаемой надписью «Грация». Одной из девушек была Маша. Вторую Анна тоже видела на «полароидном» снимке. А вот третья…

Третья была подписана на обороте. Чернила поплыли, но прочесть было можно:

«Маша, Анфиса, Наташа. Сентябрь 1996. Последний показ»

Анфиса… Князева?

Анна выпрямилась так резко, что закружилась голова. Затем быстро защёлкала камерой смартфона. И сразу же попыталась отправить снимки на почту, чтобы они не исчезли, как фотография, сделанная у Громова. Но смартфон упрямо сообщал: нет соединения. Она закружила вокруг памятника, пытаясь поймать сеть.

– Ты что тут вынюхиваешь?

Голос раздался совсем близко. Анна обернулась и чуть не закричала: в двух шагах от неё, между мокрых кустов сирени, стоял мужчина, если слово «мужчина» вообще подходило к этому существу. Длинный, сутулый, в грязной армейской куртке, с одутловатым лицом и клочковатой бородой. Волосы свалялись, в бороде торчали крошки, под глазами набрякли мешки, а от самого несло так, будто он много лет жил в бочке из-под самогона.

Но самым жутким были глаза – цепкие, злые и при этом совершенно трезвые.

Этот человек был не простым забулдыгой. И пришёл он сюда явно не случайно.

– Я…– Анна сделала шаг назад. – Просто ищу могилу родственников.

– Врёшь, – спокойно сказал он.

Он говорил негромко, почти лениво, но от этого голоса по спине побежали мурашки. Так мог бы говорить мясник, натачивая нож.

–Ты, крыса архивная, – продолжил страшный человек.– Шляешься, людей беспокоишь. Думаешь, самая умная?

Стараясь не стучать зубами от страха, Анна осторожно попятилась и упёрлась в оградку соседней могилы.

– Вы кто?

Он оскалился. Зубов у него было немного, и оставшиеся выглядели так, будто вот-вот выпадут.

– Не твоё дело.

– Если вы сейчас не уйдёте, я закричу.

– Кричи, – согласился страшный человек. – Тут тебя только покойники услышат.

Он сделал к ней шаг.

Анна попятилась, поскользнулась на мокрой плитке и лишь чудом удержалась на ногах. В голове, как назло, не возникло ни одного умного плана: детективы, которые она когда-то смотрела, дружно испарились из памяти. Осталось только примитивное животное желание – унести ноги.

– Про Медянову забудь, – сказал бомж, и в голосе его зазвенела ярость.– Или тебя закопают. Рядом. Ты поняла?

Он схватил её за рукав. И тут Анна врезала ему зонтом. Удар получился неловкий, но металлический наконечник угодил бомжу прямо в глаз. Тот взвыл, разжал пальцы, и этого хватило. Анна рванула в сторону, перескочила через низкую ограду, чуть не влетела в памятник с мраморным ангелом и бросилась бежать, не разбирая дороги.

Позади раздалась грязная ругань.

– Стой, сука!

Она лишь ускорилась. Старое кладбище мгновенно превратилось в лабиринт из мокрых дорожек, крестов, кустов и скользкой травы. Зонт где-то потерялся. Ветки собирались выколоть ей глаза. Один раз Анна споткнулась о чью-то плиту, ободрала ногу об чугунную ограду, но всё-таки выпрямилась и понеслась дальше.

Сзади слышались тяжёлые шаги. Бомж не отставал.

Сердце Анны колотилось, в ушах шумела кровь, дыхание давно сбилось, но страх заставлял её упрямо бежать вперёд. Из последних сил, она перепрыгнула через какую-то лужу, нырнула между двумя склепами, выскочила на каменную дорожку и вдруг увидела впереди ворота.

Она вылетела к калитке почти вслепую, толкнула её плечом и буквально вывалилась на размытую грунтовую дорогу. Позади что-то громыхнуло: похоже, её преследователь налетел на какое-то препятствие. Пробежав ещё метров двадцать, Анна согнулась пополам и несколько секунд просто хватала ртом воздух. Дождь лил уже всерьёз. Куртка промокла, волосы прилипли ко лбу, ладонь саднило, колени дрожали так, что хотелось сесть прямо в грязь и больше не шевелиться.

Отдышавшись, она обернулась. Калитка была закрыта. За ней виднелись только мокрые кусты и темные аллеи. И вдруг между деревьев мелькнула чья-то тень.

– Нет, – взмолилась Анна. – Нет, нет, нет!

Телефон в кармане чудом уцелел. Руки тряслись так, что она разблокировала экран только с третьей попытки. Позвонить в полицию? И что сказать? На меня на кладбище напал бомж и запретил расследовать дела тридцатилетней давности?

Спотыкаясь, Анна припустила по дороге, пытаясь собрать мысли в кучу.

Всё, что произошло с ней, это не случайность. Кто-то знал, что она придёт на кладбище и найдёт могилу Маши Медяновой. И этот кто-то специально оставил там для неё фотографию. А потом натравил на неё злобного урода.

Но чего добивается этот таинственный кто-то?

Когда она добралась до автобусной остановки, кроссовки хлюпали, зубы стучали, а вид такой, будто она только что плотно пообщалась с вурдалаком. В известном смысле так и было: кладбищенский бомж, напавший на Анну, тоже жаждал её крови.

На остановке не было ни души. Только у скамейки валялась бутылка из-под водки и куриные кости – стандартный набор культурного досуга приозёрских жителей.

Анна села в подкативший заляпанный грязью пазик, и через силу заставила себя открыть галерею в смартфоне. Сети по-прежнему не было. Может быть, поэтому фотография с могилы сохранилась.

Сентябрь 1996. Последний показ

Она увеличила снимок. Лица размыты, но различить можно: Маша, Наташа Анфиса. Значит, Князева не просто что-то знает. Она – одна из девушек, кого тоже собирались куда-то отправить. И, может быть, единственная, кто выжил.

Автобус ревел и подпрыгивал на разбитых и кое-как залатанных приозёрских дорогах. В салоне пахло мокрой одеждой, дизелем и пирожками с луком. Анна время от времени нервно оглядывалась, проверяя, не едет ли кто-нибудь следом. Но дорога была пустынной. И постепенно она успокоилась.

Выйдя на площади, она первым делом заскочила в аптеку – за валерьянкой, потому что у взрослой женщины должны быть какие-то инструменты самопомощи, кроме зонтика. Затем нырнула в соседнюю дверь, над которой красовалась вывеска: «Ремонт мобильных телефонов».

– Что у вас, женщина? – равнодушно спросил костлявый парень в растянутой чёрной майке с надписью «Саша всегда прав».

Слегка обидевшись на «женщину», Анна протянула ему смартфон.

– А можно его как-то проверить на вирусы? Понимаете, телефон очень странно себя ведёт, как будто за мной следят…

Конец фразы она произнесла виновато, ожидая, что этот технически продвинутый зумер сейчас поднимет её на смех. Но он молча протянул через стойку огромную костлявую лапу.

– Ну, поздравляю, тёть, – радостно сказал он через пару минут. – Хорошего трояна где-то хапнула. А, всё! Понял. Обычно эту срань запускают через мессенджер. Кто-то ссылки присылал? Открывала?

Архивистка Плахтина собралась возмутиться и рассказать наглому малолетке, что вообще-то знакома с цифровой гигиеной и не переходит по посторонним ссылкам. Но вдруг вспомнила, как в конце одного из сообщений Князевой стояло: «Подробности здесь». Дальше была ссылка, на которую Анна, конечно же, нажала. И…ничего не увидела. Зато смартфон сразу завис и заработал только после перезагрузки.

– Женщины! – фыркнул костлявый в ответ на её сбивчивое признание. – Чтоб вы в технике понимали! Не могут без кринжа!

Помня о надписи на майке, Анна спорить не решилась. И терпеливо ждала, пока парень колдовал над смартфоном. И минут через десять вернул его хозяйке.

– Держи, тёть. Хлопнул трояна. Но больше не кринжуй, по линкам не тапай. С тебя пятихатка – за тренинг.

Даже не пытаясь расшифровать его речь, Анна по наитию сунула в костлявую лапу пятьсот рублей и, рассыпавшись в благодарностях, выскочила из каморки ремонтника. Потом купила кофе в автомате и ещё минут пять стояла под козырьком торгового центра, раздумывая, что делать.

Броситься за помощью к Громову? Нет, не сейчас. Во-первых, она и так уже втянула милейшего краеведа в криминальную историю. Во-вторых, Анна пока не понимала, что и как ему рассказывать. И в-третьих, ей хотелось сначала самой обдумать случившееся, без лишних советов и вопросов.

Если Маша Медянова умерла в 1997 году, об этом должна сохраниться запись в актах регистрации. Если тело привезли в Приозёрск, должен был остаться хоть какой-то след. Где-то должны быть документы: свидетельство о смерти, запись в ЗАГСе, может быть, даже медэкспертиза.

Эта мысль так чётко выстроилась в голове, что Анна даже успокоилась. Архивистка Плахтина знала: когда страшно, лучше всего помогает конкретное дело. Бумага, у которой есть номер, подпись и дата. Ведь бумаги, в отличие от людей, хотя бы не нападают на вас на кладбище.

Но идти сейчас в архив не было смысла. Во-первых, она уже попросила отгул. Даже если её сообщение возмутило начальницу до глубины души, торопиться всё равно уже некуда. Во-вторых, надо было заскочить домой и переодеться. Потому что, обнаружив её таком виде, Маргарита Семёновна вызовет скорую или дисциплинарную комиссию.

Смартфон в кармане снова завибрировал. Анна вздрогнула и почти с ненавистью посмотрела на экран. И тут же с облегчением перевела дыхание: пришло сообщение от Сергея Петровича.

«Анна Сергеевна, добрый день. Вы не в архиве, и я почему-то тревожусь. Если вам вдруг понадобится помощь, практическая или просто человеческая, пожалуйста, дайте знать. Я сегодня в музее до семи».

Сообщение было деликатным. Именно такое мог написать интеллигентный пожилой человек, заметив, что молодая архивистка влипла в историю. Но после кладбища даже простая забота воспринималась как что-то опасное. И Анна медленно напечатала: «Спасибо. Со мной всё в порядке»

Ответ пришёл почти сразу: «Почему-то я вам не верю. Будьте осторожны».

Она жалко улыбнулась. Потом убрала телефон, допила остывший кофе и поплелась домой, хлюпая кроссовками и чувствуя, как под кожей всё ещё живёт страх – липкий и мерзкий, как дохлая рыба.

Но его уже пересиливало упрямство, которым славилась архивистка Плахтина. Теперь она знала точно: кто-то в Приозёрске отчаянно не хочет, чтобы история с пропавшими девушками выплыла из тридцатилетнего забвения. А значит, нужно копать дальше. И начинать с Маши Медяновой.

Глава 6

После приключений на кладбище Анна Плахтина поняла две вещи.

Во-первых, всё-таки есть предел даже её любопытству. Просто предел этот находится намного дальше, чем предполагали окружающие, мама, начальство и даже сама Анна.

Во-вторых, если человек утром удирал от жуткого чудища по мокрым могилам, то после обеда ему полагается нервный срыв или хотя бы пирожное. Анна могла позволить себе только слойку с повидлом из кулинарии «Лакомка», но, как выяснилось, и это неплохо.

Дожевывая слойку, она вошла в здание архива, где у лестницы её подкарауливала Маргарита Семёновна – с лицом человека, готового лично возглавить трибунал.

– Анна Сергеевна, – произнесла Козлова тем тоном, каким в старых фильмах зачитывали расстрельные списки, – с каких это пор ваш рабочий день стал начинаться после обеда? И где выборка по истории Приозёрска, которую я просила вас подготовить ещё вчера. Или у меня уже галлюцинации?

Анна смотрела на разбушевавшуюся Маргариту Семёновну, как на досадную мелочь, не заслуживающую внимания. Когда тебя час назад чуть не закопали на кладбище, разнос от начальства уже не производит должного впечатления.

– Я работаю над материалом, – сказала она. – Появились новые факты, которые нужно проверить.

– Какие ещё факты? – взбеленилась Маргарита Семёновна. – Вас просили сделать праздничную подборку ко Дню города, а не расследование века!

– Одно другому не мешает.

– Не дерзите!

– И не думала даже.

Это было очень смелое заявление для женщины, которая последние десять лет отвечала: «да, конечно» даже на просьбы срочно перепечатать список огнетушителей к юбилею архива. Но после сегодняшнего утра Анна ощущала странную лёгкость, почти наглость. Возможно, так чувствуют себя люди, пережившие кораблекрушение и решившие, что после этого больше не станут терпеть чужое хамство. Тем более какой-то начальницы архива и какой-то редакторши. К несчастью, последняя тут же материализовалась в дверях.

Оксана Геннадьевна Красавкина входила в любое помещение так, будто ей принадлежали не только квадратные метры, но и воздух, мебель, а при необходимости и судьбы присутствующих.

– А вот и наша звезда краеведения, – сказала она при виде Анны. – Марго, я надеюсь, ты уже объяснила своей сотруднице, что дедлайн – это не художественная метафора?

Маргарита Семёновна немедленно оживилась, потому что возможность унижать подчинённого в компании единомышленников – одно из немногих бесплатных удовольствий, доступных мелкому начальству.

– Как раз объясняю. Но Анна Сергеевна решила, что её исследовательский пыл важнее задания администрации.

– Исследовательский пыл, – повторила Оксана Геннадьевна и перевела взгляд на Анну. – Плахтина, ты вообще понимаешь, что у меня макет висит? Мы вчера должны были отправить материал с фотографиями и подписями на согласование. Вчера. А не когда архивная муза соизволит разродиться.

Анна стиснула зубы. Обычно в такие моменты скромная и застенчивая архивистка Плахтина терялась и мямлила неуклюжие извинения. Однако сегодня у неё накопилась усталость, злость и кладбищенская грязь в ботинках.

– Я сделаю подборку, – сказала она. – Но не в виде набора юбилейной пошлости и миленьких фактов вроде того, как у нас в 1963 году открыли гастроном. Есть интересная, живая история, и над ней я работаю.

– Мне не нужна история, из-за которой мэрия потом получит скандал, – отрезала Оксана Геннадьевна. – Мне нужен приличный текст ко Дню города, а не твои раскопки из девяностых. Что ты роешься в этой грязи? Или тебе заплатили?

От удивления Анна разинула рот.

– В каком смысле?

– В прямом. Плахтина, ты второй день носишься по городу, допрашиваешь пенсионерок, работников ДК, беспокоишь уважаемых людей… Мне уже звонили и спрашивали, почему сотрудница архива суёт нос в дела тридцатилетней давности. Ты вообще соображаешь, что творишь?

Маргарита Семёновна закивала с таким удовольствием, будто на её глазах Анну уличили в государственной измене.

– Я собираю материал, – пробормотала Анна, хотя сама понимала, как жалко это звучит.

– Собирай быстрее, – процедила Оксана Геннадьевна. – Дедлайн завтра вечером. Или я получаю нормальный текст, или пишу жалобу в администрацию на твою самодеятельность. И, поверь, Марго меня в этом поддержит.

– Обязательно, – согласилась Маргарита Семёновна с удивительной кровожадностью.

Красавкина уже собралась уходить, но на пороге обернулась и добавила:

– И ещё, Плахтина, совет: не лезь туда, где серьёзные люди зарабатывали капитал, когда ты еще гадила в пелёнки. Для твоего же блага.

Дверь за ней закрылась.

– Видите, до чего доводит самодеятельность, – сказала Маргарита Семёновна, победно поправляя очки. – Идите работать, Анна Сергеевна. Пока ещё есть где.

Анна кивнула, собрала со стола свои бумаги и заползла в хранилище, куда никогда не ступала нога Маргариты Семёновны, а значит, можно было спокойно продолжить работу. Часа через полтора, обложившись старыми папками и выписками, Анна поняла, что судьба, наконец, выдала ей что-то полезное.

Началось всё с маленькой заметки в «Приозёрской правде». Она была написана в жанре чистого пиара и рассказывала о первом городском конкурсе красоты, организованном модельным агентством «Грация». В тексте присутствовали обязательные маркеры эпохи: «новые перспективы для талантливой молодёжи», «контракты за рубежом», «европейский уровень», «окно в мир», а также два абзаца благодарностей спонсорам.

Анна уже хотела пролистнуть дальше, когда увидела знакомую фамилию.

Финансовую поддержку мероприятию оказала компания «Приозёрск-инвест» под руководством молодого предпринимателя Андрея Маслова

Позабыв о приличиях, Анна присвистнула. Эту фамилию в Приозёрске знали все. Андрей Маслов – местечковый олигарх, владелец торгового центра «Приозёрье», сети продуктовых павильонов и коттеджного посёлка, участки в котором московские богатеи расхватывали как горячие пирожки.

Без его приветственной речи не обходился ни один городской праздник, а фотографии регулярно мелькали на сайте администрации: вот Маслов вручает детям велосипеды, вот он же помогает ветеранам, поддерживает футбольную команду, дарит новый фонтан парку культуры и напутствует молодёжь. Если верить официальной хронике, это был не человек, а ходячий фонд милосердия в дорогом пиджаке.

В публикации за ноябрь девяносто шестого сообщалось о поддержке местного модельного бизнеса в лице вездесущего предпринимателя А.Маслова. Зимой того же года «Приозёрская правда» сообщила о благотворительном вечере во Дворце культуры, где прошло дефиле выпускниц «Грации», среди почётных гостей значился всё тот же Маслов.

Анна начала выписывать даты.

Июнь – конкурс «Грации», спонсор Маслов.

Август – городской праздник, участвуют модели «Грации», среди гостей Маслов.

Ноябрь – закрытый показ, о котором говорила старая костюмерша Коровина. В газете о нём ни слова, но за неделю до показа вышло интервью с Масловым, где молодой бизнесмен распинался о том, как важно «давать шанс молодёжи выйти на международный уровень».

Анна полезла в папку с вырезками, которую когда-то составляли для местного конкурса на тему «Предприниматели Приозёрска в 90-х». И вот тут стало ещё интереснее.

В середине девяностых Андрей Маслов владел не только торговой фирмой, но и компанией «Приозёрск-инвест», которая среди прочего занималась «грузоперевозками, коммерческими поездками и внешнеэкономическими связями». В переводе с чиновничьего языка на человеческий это значило, что у предпринимателя Маслова были машины, люди, маршруты и возможность переправлять что угодно, кого угодно и куда угодно.

Анна откинулась на спинку стула.

Модельное агентство, вывозившее девушек за границу, и его спонсор с транспортной фирмой и сомнительной биографией. Картина вырисовывалась логичная.

Она ещё раз перечитала старые статьи. Одну из них украшало фото бизнесмена с корявой подписью: «Человек с тонким вкусом и европейским взглядом на красоту, Андрей Маслов с удовольствием поддерживает юные дарования нашего города».

Анна хмыкнула. Человек с тонким вкусом и европейскими взглядами выглядел как двухметровый шкаф, переодетый в итальянский костюм. На снимке с конкурса красоты он стоял рядом с брюнеткой в светлом пиджаке и микроскопической мини-юбке и держал руку на её талии с уверенностью собственника.

Анна придвинула фото ближе. Может быть, это и есть владелица скандальной «Грации» Лариса Звонарёва? Но понять, кто это, было невозможно: часть газетного снимка выцвела от времени, превратив лицо брюнетки в бесформенное серое пятно. Крякнув от досады, Анна всмотрелась в девушек, маячивших на заднем плане. Высокие, тонкие, длинноногие. Одна из них могла быть Машей Медяновой. Другая – Анфисой Князевой. Между ними втиснулся какой-то мужчина в кожаной куртке и светлыми волосами. Седой?

Снимок был зернистый, лиц не разобрать, но неприятное ощущение осталось.

Анна торопливо сфотографировала вырезки, подписи, снимок с Масловым, а потом отправила всё себе на почту. После исчезновения фотографий она больше не собиралась хранить важные вещи в смартфоне.

К пяти вечера у неё уже была новая схема:

Маслов – спонсор мероприятий «Грации»;

Маслов – владелец фирмы с международными перевозками;

Маслов – близкий знакомый Ларисы Звонарёвой;

Маслов – подельник Седого.

Но Анне не хватало живого свидетеля. Человека, который бы сказал: да, Маслов крутился вокруг девчонок, ездил на показы и по уши замазан во всей этой грязи.

И тут ей неожиданно помогла бравая троица пенсионерок. Они сидели у подъезда с таким видом, будто целый день провели в оперативной разработке и теперь готовы к вечернему докладу.

– Анечка, – завидев её, прокричала тётя Зина, – ты как будто с кем-то дралась!

– Почти, – честно ответила Анна.

– Ну вот, – укоризненно покачала головой Люся. – А я ведь говорила, что у женщины должны быть нормальные интересы. Алмазная мозаика, цветы, кефир на ночь. А не беготня по кладбищам.

Анна устало опустилась на край лавочки. После скандала с начальством и насыщенного общения с кладбищенским бомжом ей уже было всё равно, кто и что о ней думает.

– Тётя Зина, – сказала она, – а вы Маслова давно знаете?

Три головы синхронно повернулись к ней.

– Андрюшку-то? – оживилась Нелли Петровна.– Конечно. Кто ж его не знает.

– А чем он занимался в девяностых?

Тётя Зина сразу же напустила на себя важный вид.

– Шустрый парень, – сказала она. – Крутился везде, где можно было денежку срубить. Помню, что начинал он с ларьков, потом уже пошли склады, лес, кирпич... до черта всего! Но деньги у него появились быстро, это да.

– А с «Грацией» был связан? С модельным агентством?

Люся фыркнула.

– Ещё как! Он же туда постоянно таскался.

– Откуда вы знаете?

– Да ты чего, Ань, это же Приозёрск. У нас если мужик утром подарит какой-нибудь бабёшке букет, об этом вечером знают все, даже дворник – дядя Карим!

– Маслов не просто таскался, – вставила тётя Зина. – Он эту Лариску вроде как содержал. Все знали, что мужа у неё не было. А Маслов был.

– А ещё девочки вокруг него крутились, – сказала Нелли Петровна, понижая голос.– Совсем молоденькие, худенькие, с ногами от ушей. Любил он моделек.

– Вы уверены? – спросила Анна.

– Свечку никто не держал, – пожала плечами тётя Зина.– Но слухи были, что с Машкой Медяновой вроде как крутил. А потом они разругались насмерть.

Анна вскинула голову.

– Вы точно знаете?

–Так её мать же сама орала на весь двор. Это было уже после того, как Машка пропала. Верка с кем-то дома собачилась, а окошко было открыто. Ну, все и услышали её слова: «Всё из-за козла этого жирного». Мы ещё думали: про кого она? А потом Галина Ильинична, костюмерша, сказала, что перед отъездом за границу Машка сцепилась с Масловым. Вроде, он ей что-то наобещал, а потом кинул.

– Что обещал?

– Да кто ж знает. Деньги, наверное, или замуж, – хмыкнула Люся.

История обрастала новыми деталями и становилась всё интереснее. Но Анне не давал покоя один вопрос.

– А вы не помните, Маслов с кем-нибудь ездил? – с надеждой посмотрела она на бравую троицу. – У него был водитель или охранник?

Нелли Петровна задумалась.

– Слушай, точно! Был водитель. Страшный такой, как укуреный. Всё время в куртке кожаной ходил, даже летом. Кличка у него ещё такая была…

– Седой? – тихо спросила Анна.

Пенсионерки задумались.

– Нет, не вспомню, – ответила за всех тётя Зина и с сожалением покачала головой. – Вот же память дырявая… Может, и Седым звали. Он при Маслове крутился.

У Анны по спине побежали мурашки. Человек без имени и лица, который играл во всей этой схеме с вывозом девушек заграницу явно не последнюю роль. По описаниям, типичный бандит из девяностых. Хитрый, безжалостный и очень опасный.

– А что с ним стало? – осторожно спросила она.

– С кем, с бандюком? – переспросила Люся. – Да вроде посадили его потом. Или убили. А может, уехал. В девяностые все или сидели, или лежали, или уезжали.

– А вот Маслов никуда не уехал, – задумчиво протянула Анна. – И даже уважаемым человеком стал.

– А что ему, он чистенький остался, – хмыкнула тётя Зина. – Умный потому что. Такие сами руки не пачкают.

Анна встала так резко, что пенсионерки даже обиделись.

– Спасибо за помощь!

– А что случилось-то? – насторожилась Нелли Петровна. – Тебе этот Маслов зачем?

– Пока не знаю, – честно ответила Анна. – Но если меня вдруг найдут в канаве, знайте: я была хорошим человеком и вовремя платила за капитальный ремонт.

– Анька! – возмутилась тётя Зина. – Не шути так!

Но Плахтина уже входила в подъезд. Мысли в голове больше не путались, а выстроились в стройную схему. Маслов финансировал «Грацию». Седой работал на Маслова. Маша Медянова поругалась с Масловым перед исчезновением. А Оксана Геннадьевна явно знает больше, чем говорит. Оставался один вопрос: как подобраться к Маслову ближе и не умереть в процессе.

Но стоило захлопнуть за собой входную дверь, как вся её решимость куда-то испарилась. Шок, который она испытала утром на кладбище, обрушился на Анну с новой силой. Она без сил опустилась на потёртый пуфик в коридоре, чуть не придавив возмущённого Филимона. Перед глазами вновь возникло жуткое лицо, и в ушах зазвучал мерзкий хриплый голос: «Крыса архивная… тебя закопают…».

Анна вдруг почувствовала, как по телу волнами пробегает мерзкая, трусливая дрожь. Вот тебе и бесстрашная архивистка. Ещё утром собиралась разобраться во всём сама, а теперь сидит в коридоре и боится собственной тени.

Где-то-то сбоку от неё раздался подозрительный шорох, и Анна, у которой нервы были на пределе, испуганно подпрыгнула. Из-под обувницы выполз Филимон и недовольно мяукнул.

– Тебе легко рассуждать, – пробормотала Анна. – У тебя девять жизней. А у меня одна.

Она нехотя поднялась и бочком просочилась на кухню. Налила себе воды, сделала несколько глотков. Снова прокрутила в голове утреннее происшествие. Подумаешь, бомж. Обычный грязный, оборванный мужик, каких в Приозёрске хватает. Мало ли что он мог сказать. Может, вообще просто произносил текст, за который ему заплатили. Неужели его наняла Князева, которая выманила Анну на кладбище? Или за старой опустившейся пьяницей кто-то стоит? Тот, кого она не знает, зато он знает о глупой архивистке всё.

От этой мысли её пробрала дрожь.

Может быть, это Маслов? Или таинственный незнакомец, о котором ей рассказывали пенсионерки у подъезда и старая костюмерша. Тот, кто тайком наводил о ней справки. На этого типа даже нельзя заявить в полицию: у Анны не было ни особых примет, ни номера машины. Она даже не была уверена в том, что он действительно за ней следит.

И зачем она только полезла в это дело! Наверное, мать права: не стоило увлекаться криминальными сериалами. И вот, пожалуйста! Глупая архивистка насмотрелась детективов и вообразила себя крутой сыщицей! Сунула в чужие тайны любопытный нос, который ей вот-вот оторвут!

Она подкралась к окну и осторожно отодвинула краешек занавески. За стеклом темнел двор. Несколько машин, фонарь, усыпанные яблоневым цветом ветки деревьев. Обычный вечер. Ничего подозрительного.

Анна уже хотела отойти, как вдруг ей показалось, что возле подъезда кто-то стоит.

Человек. Или просто тень? Анна прищурилась. Фигура не двигалась.

Сердце ухнуло куда-то вниз.

Она отступила от окна, но через секунду снова осторожно приоткрыла занавеску.

Никого. Только фонарь.

Анна медленно выдохнула: наверное, показалось.

И тут что-то коснулось её лодыжки. Подавив крик, она дёрнулась всем телом, с ужасом посмотрела вниз… и чуть не рассмеялась от облегчения. У её ног, изнывая от любопытства, вертелся Филимон. Вдруг ужасно захотелось, чтобы он был собакой. Каким-нибудь доберманом или ротвейлером. А лучше – кавказкой овчаркой. Большой, злой и с огромными клыками. Но Филимон был всего лишь котом. Хотя и воображал себя как минимум львом.

Поглядев на высокомерную морду кота, Анна вздохнула: ей бы такое самомнение! Она закрыла дверь на задвижку и, на всякий случай, подпёрла её старым креслом, не обращая внимания на возмущённое фырканье Филимона. Затем нырнула в постель и накрылась одеялом с головой.

Вцепившись в подушку, она скорчилась под одеялом, прислушиваясь к каждому звуку. Но вокруг было тихо. Дом спал. И, постепенно успокаиваясь, Анна тоже стала засыпать.

И вдруг внизу хлопнула дверь. Кто-то вошёл в подъезд и начал медленно подниматься по ступенькам. Мгновенно проснувшись, Анна затаилась под одеялом и даже перестала дышать.

Шаги звучали всё ближе и вдруг замерли – прямо перед её дверью. Несколько секунд царила абсолютная тишина. За это время архивистка Плахтина уже успела несколько раз проситься с жизнью. А потом неизвестный пошёл дальше.

А она ещё долго лежала неподвижно, с бешено бьющимся сердцем. И только одна мысль крутилась в голове, не давая уснуть: где-то совсем рядом, за дверью или под окнами, кто-то тоже не спит. И караулит глупую архивную крысу.

Глава 7

Утро началось с того, что Анна проснулась живой и сочла это хорошим знаком. Вообще, когда тебе тридцать семь, у тебя хронический недосып, зарплата архивистки и мать с букетом диагнозов, каждый новый день уже выглядит маленькой победой. А если накануне тебя пытался напугать на кладбище какой-то мерзкий ублюдок, победа приобретает торжественный оттенок.

За окном выл ветер и лил дождь. Он словно собрался смыть в ливнёвку весь город вместе с жителями, ларьками, сплетнями и администрацией. Ветки старых яблонь во дворе мотало так, будто они тоже хотели уволиться и уехать в областной центр, где, как считалось в Приозёрске, жизнь намного лучше, чище и перспективнее. Хотя насчёт перспектив Анна сильно сомневалась. Обычно люди, которые так говорили, имели в виду не конкретный город, а абстрактное место, где у других зарплаты выше, дороги ровнее и начальство не зовут Маргаритой Семёновной.

Из кухни уже доносился душераздирающий мяв: Филимон требовал утреннюю порцию еды. И не какую-то банальщину типа кошачьих консервов, нет, сегодня его желудок нуждался в изысканном блюде из куриной печёнки, которую Анна вчера опрометчиво оставила на холодильнике. Не сумев к ней подобраться, Филимон решил пойти другим путём и пошёл в психическую атаку на хозяйку.

– Шантажист! – возмутилась Анна, пряча печёнку в морозилку.

Времени на кулинарные подвиги уже не было: на другом конце города её поджидала мать с обыкновенной для конца недели кучей заданий: принести лекарства, натаскать продуктов, прибраться в квартире и выслушать очередной поток наставлений под видом родительской заботы.

– А кому легко? – философски заметила архивистка Плахтина, насыпая в миску коту пригоршню сухого корма.

Оскорблённый Филимон разинул пасть, собираясь выдать что-нибудь нецензурное, но, заглянув в лицо хозяйки, молча покинул кухню, подёргивая пушистым хвостом.

Анна натянула старую куртку, схватила сумку и первым делом проверила содержимое. Телефон был на месте. В нём не было ничего нового: ни звонков от Анфисы Князевой, ни сообщений от преступников.

По-хорошему, в такой день надо было сидеть дома с книгой, чаем и убеждением, что мир проживёт без твоего участия. Но от Анны мир требовал, чтобы она шла в полицию, искала Анфису Князеву, при этом не лишилась работы и каким-то чудом успела сдать юбилейный материал Оксане Геннадьевне.

Мать сидела на кухне и, помешивая в чашке остывший чай, критиковала рекомендации врачей из популярного ток-шоу.

– Ты бледная, – заметила она, скептически оглядев Анну. – Опять до ночи в бумагах ковырялась?

– Не ковырялась, а работала с источниками.

– Источники твои когда-нибудь доведут тебя до язвы. Или до старой девы. Хотя тут уже поздновато бояться.

– Спасибо, мама, ты умеешь поддержать.

– А что я такого сказала? Я правду сказала. Вон Людка с первого этажа – страшная, как моя жизнь на пенсии, а уже второй раз замужем. А ты всё с бумажками. Они тебя, что ли, в ЗАГС отведут?

Анна молча поставила чайник. Мать была не злой, но тревожной. Эта тревога, как старая советская мебель в квартире Нины Павловны, занимала слишком много места. И время от времени выплёскивалась наружу.

– Замуж тебе, Анька, давно пора, – продолжала она. – Чахнешь ведь от одиночества. У тебя ж на лице всё написано!

– На лице у меня вообще много чего написано, – хмуро сказала Анна. – К примеру, хронический недосып и недостаток денег.

– Денег у нас всегда было мало, но по кладбищам никто не шастал, – сурово припечатала Нина Павловна.

Анна растерянно уставилась на мать: она уже знает? А потом поморщилась: это же Приозёрск! Не успеешь на одном конце города чихнуть, как с другого тебе кричат: «Будь здоров».

– Позоришь нас, – бушевала Нина Павловна. – Уже весь город в курсе, что моя дочь шляется там, куда приличные девушки не заглядывают! Что ты забыла среди покойников?!

Пришлось рассказать про вчерашнее нападение. Без деталей – мать и без того последние годы жила в режиме «всё плохо, а дальше будет только хуже». Подливать бензин в этот костёр Анна не хотела.

Но Нина Павловна тут же запричитала.

– Господи, Аня! И ты молчишь! Надо было сразу в полицию!

– Вот и пойду.

– И правильно. А потом – сразу домой. И никакого архива сегодня.

– Мама, если я не выйду на работу, меня сначала сожрёт Маргарита Семёновна, а потом доест Оксана Геннадьевна. И не факт, что именно в такой последовательности.

Нина Павловна вздрогнула.

– Всё равно. Будь осторожна. И не ходи одна.

Анна чуть не рассмеялась. В её жизни всё давно происходило в одиночку. Одинокой была работа в архиве, где документы знали о человеческой жизни больше, чем сами люди. Одинокой была забота о матери. Одинокой была бедность, когда в конце месяца она с профессиональной точностью высчитывала, можно ли купить сыр или лучше подождать до зарплаты и пока обойтись философией. Даже влюблённость у неё когда-то вышла одинокой и совершенно бесперспективной, но об этом Анна старалась не вспоминать. Особенно по ночам.

– Скоро буду, – она чмокнула Нину Павловну в щёку и выскочила в полутёмную прихожую.

Перед выходом Анна задержалась у зеркала. Оно, как обычно, не обрадовало.

Бледное, невыразительное лицо – из тех, про которые говорят «приятное» лишь из уважения к хорошему человеку. Тонкие и непослушные русые волосы, самый обычный нос, глаза и губы, фигура тоже без изысков. Не женщина, а ходячее приложение к архивной картотеке.

Скептически покачав головой, она сдёрнула с вешалки куртку, сунула в сумку смартфон и отправилась в полицию. Анна ещё не знала, что там её совсем не ждали. И вообще предпочли бы, чтобы архивистка Плахтина вместе со своими историями, кладбищами и привидениями тихо вернулась в архив и не портила людям рабочий день.

Отдел располагался в сером двухэтажном здании в конце главной улицы Приозёрска. Возле входа торчали две чахлые ёлочки и металлический стенд с выцветшим лозунгом про службу закону. Вид у стенда был такой, словно сам закон служил здесь вынужденно и давно подумывал перевестись.

Решительно закусив губу, Анна толкнула стальную дверь. Внутри было непривычно тихо. На лавке рядом с окошком дежурного сидел забулдыга с разбитой губой и покаянным видом человека, который в очередной раз зарёкся пить. Сбоку от него старушка, нервно поправляя платок, рассказывала трагическую историю об украденной курице.

Анна подошла к окошку дежурного.

– Здравствуйте, – сказала Анна. – Я хотела бы написать заявление.

– Что у вас случилось? – спросил тот без энтузиазма.

– На меня вчера напали на кладбище.

Это произвело такое же впечатление, как если бы Анна сообщила о падении кометы в Приозёрске. Старушка, оборвав на полуслове рассказ, толкнула локтем забулдыгу, и они оба уставились на Анну. Дежурный за окошком вздрогнул.

– Кто напал?!

– Не знаю. Какой-то мужчина. Похож на бомжа. Он мне угрожал.

– Что сказал?

– Чтобы я не лезла, куда не надо.

– Куда именно не надо?

Анна почувствовала, что разговор уверенно движется в сторону, где она выглядит как городская сумасшедшая, но отступать было поздно.

– Я занимаюсь старой историей, – сказала она. – В девяносто шестом году в городе было модельное агентство, несколько девушек оттуда исчезли. Думаю, это связано с торговлей людьми. И вчера, когда я пришла на кладбище посмотреть могилу одной женщины, на меня напали.

Дежурный моргнул. Потом ещё раз.

И Анна буквально увидела, как в его голове аккуратно раскладываются по полочкам слова «кладбище», «девяносто шестой год», «модельное агентство» и «торговля людьми», а сверху на эту композицию медленно опускается табличка: «господи, хоть бы не наша смена».

–Так, – сказал он. – Давайте по порядку. Кто вы?

– Анна Плахтина. Я работаю в городском архиве.

– А что вы делали на кладбище?

Вот он, любимый вопрос всех представителей власти. Не кто вас пытался запугать, а что вы сделали, чтобы с вами это случилось.

– Искала Ларису Звонарёву, – нехотя призналась Анна.

– Зачем?

– Потому что она руководила этим агентством.

– А вы ей кем приходитесь?

– Никем.

– А девушкам, которые пропали в девяносто шестом, вы кем приходитесь?

– Тоже никем.

– А заявление вы хотите написать на основании того, что неизвестный мужчина сказал вам не лезть, куда не надо?

– Он не просто сказал! Он на меня напал!

– Побои есть?

– Нет, я убежала.

– Украли что-нибудь?

– Нет.

– Тогда в чём состав преступления?

Анна открыла рот и тут же закрыла. Это был хороший вопрос, и ей очень не нравилось, что на него нет достойного ответа.

– Мне угрожали, – упрямо сказала она. – Пытались запугать. И ещё, возможно, есть связь с исчезновением людей.

– Каких людей?

– Девушек из агентства.

– Вы в полицию по поводу девяносто шестого года пришли?

– Я пришла по поводу вчерашнего нападения! И по поводу женщины по имени Анфиса Князева, которую надо срочно найти, потому что она может быть свидетельницей. Или жертвой. Или вообще единственной из тех, кто знает, что тогда произошло.

Дежурный посмотрел на неё с осторожным сочувствием, как смотрят на людей, которые каждой весной и осенью жалуются на соседей, инопланетян и сглаз одновременно.

– Присядьте, – сказал он. – Я сейчас позову участкового… то есть оперативника. Кто свободен.

Свободен оказался капитан Кочергин – лысоватый, сутулый мужчина лет сорока пяти, который выглядел так, будто давно разлюбил человечество, но из принципа продолжал его защищать. Усевшись за стол с кружкой чая, он с явной скукой посмотрел на заполошную посетительницу и попросил рассказать всё с самого начала.

Анна с готовностью сообщила про статью ко Дню города. И как она вышла на «Грацию» и Машу Медянову, свою бывшую соседку, которая уехала по контракту и исчезла. Про Ларису Звонарёву и странную могилу на кладбище. Про напавшего на неё мужика и Анфису Князеву, которую нужно найти. И про бизнесмена Андрея Маслова, чья фамилия всё время всплывала рядом с агентством.

По мере рассказа капитан Кочергин всё реже записывал и всё чаще смотрел на Анну с выражением врача районной поликлиники, к которому на приём пришёл пациент с жалобой на печень, а в беседе сообщил о лежащем на нём родовом проклятии.

Когда она закончила, капитан потёр переносицу:

– Анна Сергеевна, вы понимаете, как это всё выглядит?

– Как начало уголовного дела, которое никто не хочет расследовать, – сухо ответила она.

– Нет. Как история, в которой слишком много фантазий и слишком мало фактов.

– На меня напали. И это не фантазия.

– Только по вашим словам, на кладбище на вас набросился мужчина, который в итоге не причинил вам вреда.

– Да потому что я убежала! – вспыхнула Анна.– А вы хотели, чтобы он меня убил?!

Кочергин тяжело вздохнул.

– Я хотел бы оперировать фактами. А они таковы: телесных повреждений нет, свидетелей нет, у вас ничего не похищено. Я могу принять заявление по факту угрозы и хулиганских действий. Но если вы хотите, чтобы мы срочно искали женщину, которую вы никогда не видели, и поднимали историю тридцатилетней давности по мотивам газетной статьи…

– Не по мотивам статьи, а по следам исчезнувших девушек!

– В девяностые много кто исчезал, – возразил Кочергин. – Кто-то уезжал, кто-то спивался, кто-то менял фамилию и начинал новую жизнь. Вы же не знаете, что именно произошло.

– Вот именно, не знаю. Поэтому и пришла.

Он посмотрел на неё удручённым взглядом человека, которого жизнь научила не спорить с женщинами.

– По Андрею Маслову что у вас есть?

– Он всё время фигурирует рядом с агентством.

– Андрей Васильевич – уважаемый человек.

– Это пожизненный диагноз?

Кочергин неожиданно ухмыльнулся.

– Предприниматель, меценат. Между прочим, спонсирует наш спортзал и детские соревнования по самбо.

– А в девяностые?

– В девяностые многие предпринимали. Кто-то удачно, кто-то не очень.

– Он был связан с модельным агентством «Грация».

– Возможно. Я тогда в армии служил, не отслеживал местную моду.

Увидев её рассерженное лицо, капитан хмыкнул.

– Давайте так. По нападению на кладбище я могу принять у вас заявление о хулиганских действиях неизвестного лица. Хотя, откровенно говоря, без примет и без ущерба перспектив там нет.

– А по девушкам?

– По каким девушкам?

– По пропавшим.

– Если в девяносто шестом были заявления о пропаже, этим тогда занимались органы. Материалы, если сохранились, надо поднимать из архива. Но вы же не родственница, не потерпевшая и не свидетель тех событий.

– А если там было преступление?

– Анна Сергеевна, – устало сказал Кочергин, – вы приносите мне историю тридцатилетней давности про моделей, заграницу и какую-то женщину, которая вам то ли звонила, то ли нет. Вы понимаете, что для того, чтобы официально куда-то бежать и кого-то искать, мне нужно что-то посерьёзнее ваших догадок?

– То есть пока меня не убьют, это никому не интересно?

– Я этого не говорил.

– Но имели в виду.

– Я имел в виду, что вам лучше не заниматься самодеятельностью.

– Прекрасно, – окрысилась Анна. – То есть, если я буду сидеть тихо, преступники сами растрогаются и явятся с повинной.

Кочергин отложил ручку.

– Послушайте. Неофициально, да? – сказал он тише. – Девяностые здесь были… весёлые. У многих людей биографии такие, что лучше не нюхать без противогаза. Если вы реально нащупали что-то неприятное, то мой вам совет: не копайте. Тем более если у вас больная мать и вы, простите, не спецназ.

Это было, пожалуй, самое разумное, что ей сказали за утро. И, как все разумные советы, Анну совершенно не устраивало.

– Так вы будете искать Князеву? – спросила она.

– Если у вас есть её адрес, телефон, конкретные данные – давайте. Проверим.

– У меня только телефон.

– Тогда это не поиск, а гадание на кофейной гуще.

Анна сжала губы.

– И всё?

– Официально – всё. Неофициально я вам уже сказал: не надо лезть в старые грязные истории, если не хотите стать новой грязной историей.

Он подмахнул пропуск, вручил его Анне и демонстративно уставился в монитор, показывая, что разговор окончен. Но заявление у неё всё-таки приняли. Бумагу с номером регистрации в КУСП выдали с таким видом, будто вручили Анне утешительный приз.

Из отдела она вышла вспотевшая от злости и с острым желанием совершить что-нибудь криминальное. Например, поджечь кабинет Оксаны Геннадьевны. Или хотя бы расколотить её ноутбук.

Дождь уже кончился и город понемногу оживал. По центральной улице, разбрызгивая грязь, проносились машины, на остановке лениво стоял автобус, у дверей которого две старухи обсуждали цены на клубнику и чью-то невестку, причём с одинаковым отвращением. Вокруг памятника неизвестному революционеру нарезали круги на электросамокатах старшеклассники, прихлёбывая колу из банок и неумело матерясь.

Приозёрск вообще умел прикидываться безобидным. Город лежал на берегу Волги, как старый пёс на солнышке: ленивый, слегка облезлый, с привычкой дремать днём и оживать к вечеру, когда на лавочки выползали пенсионерки, а по набережной слонялись мамаши с колясками и мужчины, которым по разным причинам не сиделось дома.

Здесь всё было на виду, как под увеличительным стеклом: амбиции, зарплаты, скандалы, любовные драмы и даже преступления. Любое происшествие быстро обрастало сплетнями и немедленно становилось частью городского фольклора. Никто не мог украсть, подраться или сбежать незаметно – через три дня об этом знали соседи, а через неделю – библиотекарша, провизор и продавщица Алла из овощного.

Поэтому сразу после того, как Анна покинула негостеприимное здание ОВД, весь Приозёрск знал, что архивистку Плахтину подозревают в расхищении архивных фондов и даже «шьют дело».

– Ну, ты подумай! Аферистка какая! – изумлялась Алла, привычно обвешивая очередную покупательницу. – А так с виду и не скажешь! Серая ж мышь!

– Да крыса архивная! – поддакивала покупательница, любуясь бодрой молодой капустой, которую Алла ловко бросала на весы. – Тащит всё, вот и попалась!

Местные сплетницы ещё больше бы удивились, увидев, что из полиции Анна отправилась в приземистое двухэтажное здание, где располагался «Вестник Приозёрья». Главный редактор официального городского рупора Оксана Геннадьевна Красавкина срочно вызвала архивистку в редакцию – сверить структуру юбилейного выпуска. Формулировка уже сама по себе выглядела подозрительно, потому что раньше Оксана Геннадьевна предпочитала сверять структуру на расстоянии – по телефону и в максимально унизительных выражениях.

Редакция размещалась в бывшем купеческом особняке рядом с администрацией. На первом этаже сидели журналисты, на втором разместилась бухгалтерия и отдел рекламы. В коридорах носились люди, пахло кофе, краской от принтера и нервным стрессом. Анна поднялась по лестнице, постучала в кабинет и услышала бодрое: «Заходи».

Оксана Геннадьевна сидела за столом. Но на этот раз она была не одна.

У окна стоял мужчина в дорогом костюме, с модной стрижкой и тем выражением уверенности, которое встречается у людей, привыкших, что им всегда отдают лучшее и никогда не возражают. Лет под шестьдесят, грузный, с крупным золотым перстнем на мизинце и улыбкой, от которой у Анны моментально свело скулы.

Андрей Маслов.

Живьём он выглядел ещё неприятнее, чем на старых фотографиях. Хотя, на первый взгляд, в нём всё было добротно и дорого. Костюм, стрижка, зубы, часы. Однако выглядело это так, будто мерзкого гоблина по какому-то недоразумению обрядили эльфом.

– А вот и наш главный архивный специалист, – сказала Оксана Геннадьевна с медовой интонацией, которой вчера не было и в помине. – Анечка, познакомьтесь с Андреем Васильевичем. Он любезно согласился помочь нам с юбилейным проектом. У него, оказывается, сохранились редкие фотографии Приозёрска.

Маслов повернулся к ней и добродушно улыбнулся, словно они встретились на благотворительном балу.

– Рад познакомиться, – сказал он сиплым басом. – Я о вас уже наслышан. Говорят, вы у нас очень любите историю.

Анна почувствовала, как в груди медленно поднимается ледяная волна.

Уже наслышан. И даже не скрывает.

– Стараюсь, – сказала она.

– Это хорошо. Молодёжь нынче редко интересуется прошлым. Обычно всем подавай тик-ток и капучино.

– Анечка как раз интересуется девяностыми, – слишком легко вставила Оксана Геннадьевна. – Особенно историей модельного агентства «Грация».

В кабинете вдруг стало тихо. Маслов посмотрел на Анну чуть внимательнее. Улыбка на тяжёлом лице теперь напоминала оскал.

– Вот как, – просипел он. – Паскудная тема для юбилейного материала.

– Почему паскудная? – спросила Анна, удивляясь собственной смелости.

– Потому что девяностые вообще были паскудным временем: все бегали, прыгали, пытались урвать свой кусок, открывали какие-то фирмы, кооперативы… Половина из этого сразу исчезала. Модельное агентство тоже быстро прогорело. Зачем это всё ворошить?

– Я читала, что вы его спонсировали…

Оксана Геннадьевна бросила на Анну взгляд, в котором читалось: «Ты бессмертная?».

Маслов пожал квадратными плечами.

– Было дело. Хотел, чтобы Приозёрск стал современным. Красивые девушки, конкурсы, заграничные поездки – почему нет? Всё это выглядело нормальной инвестицией.

– А Ларису Звонарёву вы хорошо знали?

Теперь Оксана Геннадьевна даже не притворялась спокойной. Она явно не ожидала, что архивная крыса с ходу прыгнет на главного спонсора Приозёрска и начнёт кусать его за ляжки.

Маслов потемнел лицом.

– Помню такую женщину. Энергичная, самоуверенная. Я бы даже сказал, наглая. Очень любила красивую жизнь и чужие деньги. А вам она зачем?

– Просто собираю материал, – сказала Анна.

– Аккуратнее собирайте, – хрипло сказал он и, резко развернувшись, направился к выходу.

Оксана Геннадьевна нервно хихикнула:

– Ну что вы пугаете нашу Анну Сергеевну. Она у нас – девушка нежная.

– Наоборот, – сказал Маслов, не оборачиваясь. – Мне кажется, она у вас железобетонная. И очень смелая.

И тут Анне стало страшно. Потому что слово «смелая» прозвучало как приговор. Она вышла из редакции с ощущением, будто только что сунула руку в гадючью нору и каким-то чудом вытащила её целой. Теперь у неё появился личный враг, который знал, что она копает под «Грацию», был связан с агентством и явно не хотел, чтобы в его прошлом ковырялись.

Стоя на крыльце, Анна глядела на подкативший к редакционному особнячку чёрный внедорожник Маслова и размышляла над тем, что ей делать с добытой информацией. Из внедорожника вышел водитель, чтобы открыть дверь хозяину. Сутулый, в тёмной куртке, с короткой стрижкой и серой щетиной. Лица она толком не разглядела – тот стоял боком, но что-то в его фигуре, в наклоне головы, в тяжёлой походке заставило её буквально вжаться в стену. Анна вдруг вспомнила, где уже видела этого человека. На кладбище, между мокрых могил, когда слышала за спиной тяжёлый топот и хриплый крик: «Не лезь, куда тебя не звали!»

Мужчина поднял голову, почувствовав её взгляд. И Анна убедилась, что это он. Тот самый кладбищенский урод, только умытый, трезвый, в приличной одежде и с лицом не бомжа, а сильно потасканного шофёра.

Он тоже её узнал. На долю секунды их взгляды встретились, потом водитель отвёл глаза и сел за руль, а Маслов развалился на заднем сиденье машины, как человек, которому нечего бояться в этом городе.

Анна угрюмо смотрела вслед внедорожнику. Если она права, то именно Андрей Маслов – тот человек, который тридцать лет назад помогал вывозить девчонок из Приозёрска, а теперь заметает следы и пугает всех, кто задаёт слишком много вопросов.

Вот только в этой истории было одно маленькое, но очень неприятное обстоятельство: люди вроде Маслова не ограничиваются угрозами через шофёров. Поэтому следующая попытка заткнуть ей рот может оказаться успешной.

Отгоняя от себя мрачные мысли, Анна поплелась в архив.

Там её ждал новый круг ада. Маргарита Семёновна уже стояла возле её стола, вооружённая красной папкой. Вид у начальницы был такой, будто она лично вынесла из пожара все документы, пока Анна танцевала канкан на подоконнике.

– Где вы ходите? – спросила она, не здороваясь. – Когда вы, наконец, перестанете нарушать трудовую дисциплину и сдадите материал?

– Я была в полиции, – честно ответила Анна, умолчав о приятной встрече в «Вестнике Приозёрья».

– Зачем?!

– На меня вчера напали.

Маргарита Семёновна моргнула.

– Кто напал?

– Неизвестный мужчина.

– И что же вы сделали, чтобы на вас напал мужчина?

Анна медленно подняла на неё глаза.

– Существовала, Маргарита Семёновна.

Начальница побагровела.

– Вот только не надо этого вашего остроумия. У нас муниципальное учреждение, а не стендап-клуб. Крайний срок по юбилейной подборке – сегодня до шести. Если не успеваете, хотя бы предупредите. А не бегайте по кладбищам, полиции и неизвестно ещё где.

– Я предупреждала, что задержусь.

– Вы сказали, что работаете с материалом. Насколько я вижу, материал у вас какой-то очень избирательный. Почему на вашем столе – вырезки про модельное агентство, а не документы по истории города?

– Потому что это и есть история города.

– Это позор, а не история!

– Иногда это одно и то же.

– Молчать! – рявкнула Маргарита Семёновна так, что в кабинете жалобно звякнули окна.

Анна уже открыла рот, чтобы ответить что-нибудь неслужебное и очень обидное, но в этот момент из коридора донёсся мужской голос:

– Простите, здесь архив?

И Маргарита Семёновна мгновенно переключилась на роль благообразной музейной смотрительницы, безобидной и интеллигентной.

– Да, конечно, – проворковала она. – Чем могу помочь?

В дверях стоял рослый мужчина в куртке, с сумкой через плечо. Лет сорока или около того, сероглазый, с короткими тёмными волосами и щетиной на лице. Что-то в этом лице показалось Анне подозрительно знакомым. Она смотрела на него несколько секунд, пока до неё не дошло: ну, конечно! Илья Соколовский. Её одноклассник.

Тот самый Илья, который в школе дрался за гаражами, списывал у отличниц, а в одиннадцатом классе уехал поступать куда-то в Москву или Питер – версии в Приозёрске до сих пор расходились. А потом время от времени всплывал в местных сплетнях как «сын Валентины Петровны, который вроде бы в прокуратуре работает».

Двадцать лет назад невзрачная тихоня Анечка влюбилась в него с абсолютной уверенностью, что он никогда её не заметит. И Соколовский, разумеется, не замечал. В лучшем случае здоровался. В худшем – проходил мимо. А на выпускном, когда все обнимались и изображали счастливое прощание с детством, он вдруг подошёл к ней, сунул в руки жалкую подвявшую гвоздику и сказал:

– Держи, Плахтина. А то ты совсем без цветов.

Цветок явно остался от букета, предназначенного учительнице литературы или завучу. Может, Илья и правда хотел сделать доброе дело, но Анна тогда чуть не провалилась сквозь землю от стыда. Жалость от красивого мальчика – одна из самых обидных форм милосердия, которую изобрело человечество.

С тех пор прошло два десятка лет. Но, увидев сейчас Соколовского, Анна с неприятным изумлением обнаружила внутри себя ту самую несчастную гвоздику. Сухую, колючую и готовую при случае ткнуть прямо в сердце.

За двадцать лет он, конечно, изменился. В школьные годы Соколовский был тощий, быстрый и наглый. Теперь он заматерел, взгляд стал жёстче, а движения – спокойнее.

Он тоже узнал Анну и удивлённо задрал брови.

– Плахтина?!

Маргарита Семёновна переводила подозрительный взгляд с одного на другого.

– Вы знакомы? – хмуро спросила она.

– Учились вместе, – улыбнулся Илья.

– Очень давно, – сухо уточнила Анна.– В доисторический период.

– А ты всё такая же приветливая, – удовлетворённо заметил Соколовский.

– А ты всё такой же наблюдательный.

Всё так же улыбаясь, Илья пожал плечами. Он, кажется, ещё не понял, что угодил на минное поле.

– Вообще-то я к вам по делу, – сказал он, обращаясь к Маргарите Семёновне.– Мне нужна справка по старому дому на Озёрной. Родители затеяли оформлять наследство, а документов оказалось меньше, чем мы рассчитывали.

Он говорил спокойно, чуть иронично, как человек, привыкший очаровывать собеседников без видимых усилий. И Маргарита Семёновна поплыла. Суровая начальница архива окинула потрёпанного жизнью красавца заинтересованным женским взглядом и приветливо улыбнулась, и Анна ощутила раздражение. Ну конечно, мир по-прежнему рад видеть Илью Соколовского.

Почувствовав себя в архиве желанным гостем, он по-хозяйски развалился на стуле.

– Мы не выдаём справки по щелчку пальцев, – попыталась для порядка сопротивляться Маргарита Семёновна. – Нужно заявление, обоснование, срок рассмотрения…

– Окей, – легко согласился Илья, глядя на неё преданным взглядом. – Я всё напишу. Только хотел бы уточнить, какие именно бумаги нужны, чтобы не утруждать вас понапрасну.

Теперь Анна с трудом сдерживала смех. Она редко видела, чтобы кто-то так церемонно обращался с её начальницей. Обычно люди Козлову боялись или хамили в ответ. И лишь Соколовский нашёл к ней правильный подход.

– Хорошо, – окончательно капитулировала Козлова. – Анна Сергеевна объяснит вам, какие документы нужны. А потом вернётся к работе.

Она смерила Анну взглядом, обещавшим ей отдельный котёл в аду, и ушла, цокая каблуками.

Дождавшись, пока Маргарита Семёновна скроется в глубине коридора, Илья повернулся к Анне.

– Что это сейчас было?

– Моя профессиональная среда, – хмуро сказала она. – Привыкай. У нас тут все на грани нервного срыва.

– Судя по лицу, ты тоже, – заметил Соколовский, с любопытством её разглядывая. – Колись, Плахтина, почему ты смотришь на меня так, будто я испортил тебе жизнь?

– Выпускной.

Илья моргнул.

– Выпускной я помню смутно. Была жара, директор напился шампанского, Подоприхина рыдала, что у неё размазалась тушь и порвались дико дорогие колготки…

– И ты пообещал купить ей весь мир, а мне подарил цветок, – сказала Анна. – Одну дохлую гвоздичку, из жалости. Потому что я стояла как дура, без букета, а тебе, наверное, стало неловко.

Он вытаращился на неё с изумлением.

– О боги! Плахтина, поэтому ты смотришь на меня, как на военного преступника?

– Не льсти себе. Военные преступники хотя бы мотивированы.

Он смущенно взъерошил ладонью волосы и вдруг выдохнул с облегчением.

– А, вспомнил, как я вручил тебе эту гвоздику. Но это не из жалости, честно! У меня осталось несколько лишних цветов после букетов для учителей, и я решил, что… ну… просто… – Илья замялся и опасливо покосился на неё. – Ладно. Сейчас это прозвучит не лучше.

– Вот именно.

– Слушай, мне было семнадцать лет. Я тогда вообще не думал головой…

– Очень заметно.

Он неуверенно улыбнулся.

– Окей. Я был дебилом. Но вот, честно, совсем не хотел тебя унизить.

– А получилось.

– Учту. Если придётся опять дарить тебе цветы, я подойду к этому вопросу очень ответственно.

Анна не выдержала и фыркнула. Обида никуда не делась, но уже не так жгла душу. Потому что Илья, правда, выглядел растерянным.

– Как тебя сюда занесло? – спросила она, переводя разговор.

– Родители стареют, отец решил переоформить дом на меня, а мать считает, что я недостаточно страдаю после развода. В общем, приехал в санаторий «У мамы Оли». Курс процедур: борщ, наставления на пусть истинный и диванчик в бывшей детской.

– Развёлся? – удивилась Анна.

– Ага.

– Сочувствую.

– Не надо. Это был полезный опыт.

Анна хотела съязвить о том, что бесполезного опыта не бывает, но сдержалась. Да и что она могла знать о семейной жизни? Старая дева с жирным котом и копеечной работой среди пыльных бумаг.

Соколовский посмотрел на неё с любопытством.

– А как сама? Не думала уехать отсюда?

– Куда мне ехать, Илюх? Да и архив не отпускает. Видно, я слишком много знаю о подшивках районной газеты за две тысячи второй.

Он рассмеялся. И тут же осёкся, потому что из кабинета высунулась Маргарита Семёновна и ледяным голосом произнесла:

– Анна Сергеевна. Если вы закончили светскую беседу, вернитесь к своей непосредственной работе.

Илья повернулся к ней с обаятельной улыбкой.

– Простите, что отвлекаю вашего сотрудника, – проговорил он. – Но Анна Сергеевна буквально спасает мою семью от катастрофы с наследством. Без неё, боюсь, мы останемся без дома и надежды встать на кадастровый учёт.

– Я пока не услышала в вашей беседе ни слова о кадастровом учёте, – возразила Маргарита Семёновна ничуть не стесняясь того, что подслушивала. – А вам, Анна Сергеевна, ещё раз напоминаю: статья.

Она скрылась в кабинете, с треском захлопнув дверь и оставив после себя аромат удушливых духов.

Илья посмотрел ей вслед и тихо присвистнул.

– Старая ведьма.

– Насчёт возраста Маргарита Семёновна с тобой бы поспорила: она утверждает, что после шестидесяти жизнь только начинается.

– Хорошо, хоть насчёт ведьмы нет разночтений, – по-мальчишечьи улыбнулся Илья.

И Анна тут же вспомнила обаятельного хулигана, из-за которого на выпускном чуть не передрались все старшеклассницы.

– Пойдём, – потянул Соколовский её за рукав. – Поищем место, где можно поговорить без свидетелей.

Они отошли подальше от кабинета Козловой и оказались в фойе, где стояли продавленные диванчики для посетителей и скучал пыльный фикус в кадке.

– Ну, привет, Плахтина, – плюхнулся Илья на диванчик и тот жалобно взвизгнул. – За последние двадцать лет ты совсем не изменилась.

– Врёшь, Илюха. Я стала толще и бледнее.

– Это не критические изменения. Так, лёгкий апгрейд.

Анна фыркнула, и напряжение последних часов куда-то вдруг улетучилось. Всё-таки школьные знакомые обладают чудесной способностью возвращать тебя в детство: блаженное время, когда жизнь была простой и понятной, а катастрофы – смешными и мелкими.

Соколовский хоть и бодрился, но выглядел усталым – под глазами у него залегла синева, которую не спутать ни с недосыпом, ни с похмельем. Анна вдруг подумала, что он похож на человека, у которого в жизнь не то чтобы рухнула, но ощутимо треснула по всем несущим конструкциям.

– А ты, правда, прокурор? – спросила она.

Илья расхохотался.

– Спасибо, конечно, за оказанное доверие, – сказал он, отсмеявшись. – Но ты слишком задрала планку. Опускай пониже: всего лишь частный детектив.

– Так это же в сто раз лучше! – воскликнула обрадованная Анна.

– Ну, с какой стороны посмотреть, – усмехнулся Илья.– А ты, смотрю, времени зря не теряешь. Только что слышал краем уха про полицию, нападение и какую-то статью. У тебя роман с криминалом или просто май выдался тяжёлый?

Анна посмотрела на него. Потом на тёмный коридор с мутным окном и фикусом-свидетелем. И поняла, что ей отчаянно хочется рассказать хоть кому-то, кто не будет смотреть на неё как на сумасшедшую истеричку или сотрудницу, сорвавшую дедлайн.

– Слушай, – сказала она. – А ты сегодня свободен?

Илья прищурился.

– Плахтина, если это попытка втянуть меня в неприятности, то говори прямо. Я после развода как раз начал скучать без качественного мозгоклюйства.

– Я серьёзно.

– Я тоже. Что случилось?

– Мне нужен человек, который умеет искать людей, задавать неудобные вопросы и хотя бы на глаз отличает параноидальный бред от настоящей опасности.

– О как, – склонив по-птичьи голову на бок, посмотрел на неё Илья. – Тогда ты удачно зашла. Это мой базовый тариф.

Анна сделала глубокий вдох.

– Значит, слушай. В девяносто шестом в нашем городе работало модельное агентство. Девушек отправляли за границу по контрактам. А потом они исчезали. Одна из них жила в нашем доме, я её знала. В общем, я нашла старые заметки, начала копать, вышла на хозяйку агентства – некую Ларису Звонарёву и на бизнесмена Андрея Маслова. Потом меня напугали на кладбище. А сегодня в полиции мне объяснили, что я лезу не в своё дело.

Илья слушал молча. И уже только за это она была ему благодарна.

– Маслов, – задумчиво проговорил он. – Андрей Васильевич Маслов?

–Ты его знаешь?

– Нет. Но наслышан. У него сейчас стройка, база отдыха, магазины, что-то там ещё по мелочи. Из тех, кто в маленьких городах умеет быть сразу и бизнесменом, и благодетелем.

– Мне кажется, он во всём этом замешан.

– Почему?

Анна коротко пересказала всё, что знала: статьи о «Грации», фотографии, рассказ старой костюмерши из ДК, связь Маслова с агентством, загадочную могилу, нападение, звонок Князевой и собственное ощущение, что она лезет в историю, которую кто-то очень не хочет ворошить.

С каждой её фразой лицо Ильи становилось всё серьёзнее.

– Погоди, – сказал он, когда она закончила. – Ты хочешь сказать, что из-за этой истории из девяностых на тебя уже покушались, Маслов угрожал, а менты посоветовали не фантазировать?

– Очень точное замечание.

– У тебя совсем крыша съехала?

– Не груби, Соколовский. Ты ещё не отмолил грехи за гвоздику.

– Сорян. Я просто не хочу, чтобы ты лезла в это дерьмо.

– Я уже там. По самое горло.

Илья покачал головой.

– Плахтина, ты всегда была…– он запнулся, подбирая слово.

– Ну? Жалкой? Незаметной?

– Упрямой.

Анна посмотрела на него с подозрением.

– Это комплимент?

– Нет, это диагноз. Только сейчас твое упрямство может плохо кончиться.

– И что ты предлагаешь? Сделать вид, что ничего не нашла?

– Хотя бы больше туда не лезть.

Анна скрестила руки на груди.

– Что, опять меня стало жалко? Как с гвоздикой на выпускном?

Он поморщился.

– Блин, далась тебе эта гвоздика…

– Потому что это был символ, Илья.

– Какой ещё символ?

– Того, что некоторые люди даже добрые поступки умеют делать унизительно.

Между ними повисла тишина. Потом Илья тихо сказал:

– Ладно. Заслужил.

Несколько секунд он молчал. Потом потёр подбородок:

– Окей, Плахтина. Одно из двух. Или ты реально влезла в торговлю людьми, которую в девяностых прикрывали очень неглупые люди. Или у тебя профессиональная деформация архивиста и ты нагребла городских сплетен на целый сериал.

– Хватит издеваться!

– Я не издеваюсь, а оцениваю риски. И пока что мне не нравится, что тебя уже пытались напугать. Даже если это была просто местная пьянь, совпадение фиговое.

Анна хлопнула себя по лбу:

– Совсем забыла! За мной же ещё следят! Какой-то мужик…

Она рассказала о таинственном «представители администрации», который слишком настойчиво интересовался её жизнью.

Однако Соколовский смотрел недоверчиво.

– Плахтина, это уже перебор. Ты точно не фантазируешь?

– Ага, конечно! Тогда фантазирует и костюмерша из ДК, и соседка тётя Зина!

– Тётя Зина – это серьёзный источник, не поспоришь, – усмехнулся Илья, и опять было непонятно, шутит он или говорит серьёзно.

– Так ты мне поможешь? – безнадёжно спросила Анна.

Илья посмотрел на неё, будто что-то прикидывая. И кивнул.

– Помогу. Но при одном условии.

– Каком?

– Ты перестанешь шляться по кладбищам, гаражам, притонам и другим живописным местам нашего детства. Пока мы не поймём, кто именно хочет заткнуть тебе рот.

Анна хотела возразить, что никакие притоны она пока не посещала, но вовремя сообразила, что формулировка «пока» в данном случае неуместна.

– Ладно, – сказала она.

– И ещё одно.

– Что?

– Если тебя убьют, мне придётся объясняться с твоей матерью. А я только приехал и морально не готов.

Анна не выдержала и рассмеялась.

– Уговорил, Илюха! Не буду погибать без согласования.

– Вот и ладушки.

В этот момент в фойе заглянула Маргарита Семёновна и уставилась на них так, будто застала незаконную передачу архивных ценностей иностранному шпиону.

– Анна Сергеевна! – взвилась она. – Вы окончательно забыли о своих обязанностях?

– Нет, – сказала Анна. – Сейчас моя самая главная обязанность – не погибнуть в цвете лет. Именно над этим я и работаю.

Маргарита Семёновна побледнела от нового уровня остроумия и умчалась к себе, чтобы перевести дух и заодно подготовить приказ об увольнении взбесившейся архивистки.

Илья фыркнул.

– Весело тут у вас.

– Ты даже не представляешь, насколько...

– Представляю. Я, между прочим, в этом городе вырос.

Он взял у неё смартфон и быстро вбил номер.

– Позвони вечерком, после восьми. Я пока поспрашиваю про Маслова и попробую пробить имя Звонарёвой по старым делам. И ещё, Плахтина…

– Что?

– Если тебе снова кто-то начнет угрожать – сразу ко мне.

Илья легко поднялся с диванчика и направился к выходу

– Да, и ещё, – обернулся он в дверях. – Ещё раз полезешь одна на кладбище, я тебя лично придушу.

– Как романтично, – буркнула Анна.

– А я не умею романтично, Плахтина. Ты должна была заметить это ещё на выпускном.

Она закатила глаза.

– Ой, всё! Иди уже.

Дверь за Ильёй захлопнулась, а Анна ещё секунду смотрела ему вслед, испытывая сложную смесь раздражения и совершенно неуместной радости. Конечно, Соколовский был по-прежнему самоуверенным и невыносимым. Но в его взгляде уже появилось что-то новое – не жалость и не мужское превосходство, а интерес. Будто он только сейчас начал рассматривать её всерьёз.

Это тревожило. И, что ещё хуже, было приятно.

Она приказала себе выбросить всю эту романтическую чушь из головы и попыталась заняться юбилейной подборкой. Получалось так себе. В голове мелькали то исчезнувшие модели с мечтательными лицами, то взбешённый Андрей Маслов, то капитан Кочергин с его скепсисом, то Илья, который ничего не помнил про её школьные обиды.

До конца рабочего дня оставались считанные минуты, а подборка была готова лишь наполовину. Оксана Геннадьевна звонила дважды, Маргарита Семёновна вздыхала так, будто лично хоронила архивное дело всей своей жизни, а мать прислала три сообщения подряд:

«Купи хлеб»

«И валидол»

«И не ходи вечером одна»

Последнее особенно растрогало Анну. Нина Павловна не знала подробностей, но материнский инстинкт у неё работал лучше, чем профессиональная интуиция целого отдела полиции.

К шести архив опустел. Анна выключила компьютер, собрала бумаги и уже собиралась уходить, когда заметила под дверью конверт. Сердце замерло, пропустив толчок, а затем глухо застучало где-то рядом с горлом. Судорожно проглотив вязкую слюну, которой вдруг напол-

нился рот, Анна осторожно подкралась к лежащему на полу белому прямоугольнику и взяла его кончиками пальцев.

Это был обычный белый конверт без марки и надписи. Заглянув внутрь, она обнаружила там всего лишь старую фотографию. Чёрно-белую, чуть выцветшую, заляпанную чем-то тёмно-ржавым на обороте.

Снимок изображал крыльцо Дворца культуры, на котором теснилась стайка девушек, за спинами которых торчала растяжка с надписью: «"Грация" открывает новые горизонты». В центре стояла высокая брюнетка в дерзкой мини-юбке. Сбоку от неё расположился шкафообразный мужик в двубортном пиджаке и с массивной золотой цепью на бычьей шее. Это Анна узнала без труда – молодой Андрей Маслов. А на ступеньках, почти у самого края, сидела вполоборота девушка в коротком светлом платье. Маша?

На обороте фотографии было написано шариковой ручкой: «Спроси у Маслова, где был Седой 14 августа 1996 года».

Подписи, конечно же, не было.

Анна почувствовала, как по телу пробежала дрожь. Кто-то следил за её расследованием и методично подбрасывал улики. И знал обо всех слишком много.

За окном шумел дождь. В пустом архиве тикали часы. В коридоре потрескивала старая лампа, и от этого звука делалось особенно неуютно, как будто здание тоже пристально наблюдало за глупой архивной крысой.

Анна достала телефон и быстро набрала номер Ильи. Он ответил после второго гудка.

– Да?

– Кажется, у нас появился ещё один неизвестный доброжелатель, – сказала Анна, глядя на фотографию. – И он только что объяснил, почему Андрей Маслов мне не нравится.

На том конце провода повисла короткая пауза.

– Сиди на месте, – сказал Илья уже совсем другим голосом. – Закройся изнутри и никому не открывай. Кроме меня. Я сейчас приеду.

И тут же Анна услышала за дверью какой-то шорох. А потом кто-то осторожно повернул ручку двери.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.